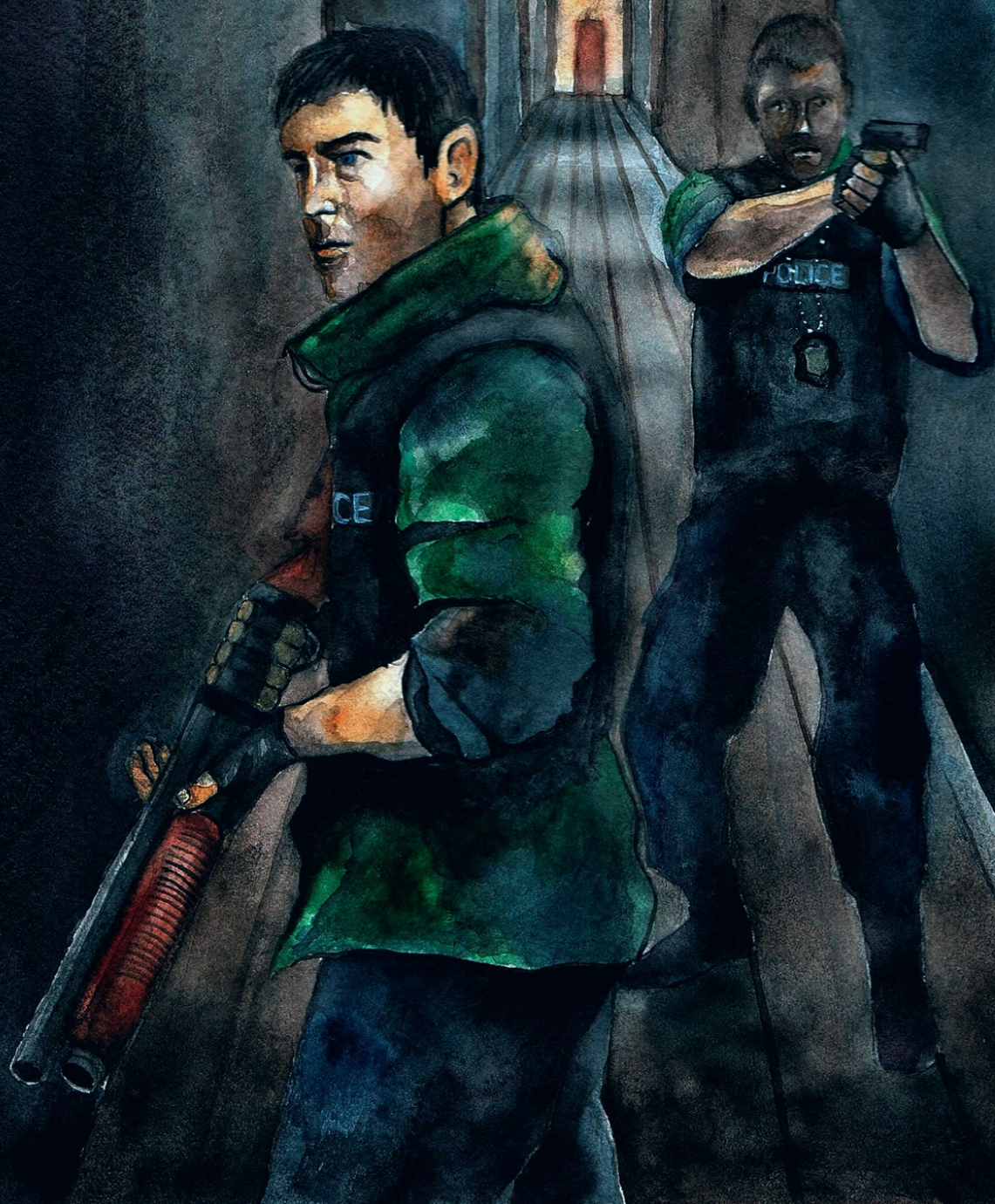


Даниил Калинин

По следу зверя



Даниил Калинин

**По следу зверя**

«Даниил Калинин»

2020

## **Калинин Д. С.**

По следу зверя / Д. С. Калинин — «Даниил Калинин», 2020

Ветерану полиции, сержанту Варрону Руку поручают шефство над выпускником полицейской академии. За плечами Варрона «горячая точка» и восемнадцать лет службы; щадить стажера он не собирается. Сержант Майк Тодоровски увлекается единоборствами, нацелен на бескомпромиссную борьбу с преступностью и страстно желает завоевать уважение наставника. Не все идет гладко, но расследование убийства, совершенного в первую ночь «полного» спутника, примиряет напарников. Преступник не оставил ни одной зацепки, а у его жертвы не было врагов, желающих ей смерти. Варрон приходит к выводу, что их цель – так называемый «оборотень»: убийца, орудующий в ночи «полного» спутника, человек с психическими отклонениями. Версия опытного детектива практически верна, вот только в этот раз полицейским противостоит не человек...

© Калинин Д. С., 2020

© Даниил Калинин, 2020

## Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвертая	21
Глава пятая	31
Глава шестая	36
Глава седьмая	41
Глава восьмая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

# Даниил Калинин

## По следу зверя

### Пролог

...– Курсант Майк Тодоровски! Вперед!

Товарищи одобрительно хлопают меня по плечу, подбадривают негромкими вскриками. Резко встряхнувшись, словно сбрасывая с себя лишнюю тяжесть, я выхожу из строя экзаменуемых. Перед всеми нами осталось единственное испытание, разделяющее курсантов с вождельным офицерским званием – экзамен по рукопашному бою.

И сейчас настал мой черед.

По рингу приставным шагом энергично перемещается мой оппонент-экзаменатор, «аллигатор» – капитан Алекс Корк, багровый берет, боец спецгруппы быстрого реагирования знаменитой «Альфы». Корк – настоящий отморозок, жадный для драки, он служит в полицейском спецназе не по назначению, а по призванию. Свою кличку среди курсантов кэп получил за особенную жестокость в спаррингах: каждый, кто пытается противостоять ему в ринге, очень крепко отхватывает. Да, Корк как вцепится в курсанта мертвой хваткой, так не оторвать, сравнение с аллигатором тут очень точно...

Хотя ведь бред. Разве полноконттактный спарринг по правилам смешанных единоборств отвечает требованиям экзамена по рукопашной подготовке офицера полиции? Попробуй просто так вклепить кому-то кросс<sup>1</sup> правой или зарядить по «тормозам»<sup>2</sup> лоу-кик<sup>3</sup> – так ведь засудят, гады! Сколько достойных детективов и патрульных, матерых волчар, переживших гангстерские войны предыдущего десятилетия, сколько полетело с должностей в последние парутройку лет? И ведь просто потому, что работали «как встарь», не оглядываясь на правозащитников, журналюг, поливающих полицию грязью, да беспринципных судей, ради сенсации вышвыривающих из органов заслуженных ветеранов!

Нет, Жером, наш преподаватель рукопашной на последнем курсе, был стопроцентно прав: сегодня полицейскому нужны навыки работы против вооруженного человека на короткой дистанции: всеразличные заломы, броски, приемы конвоирования... Но никак не мордобой!

– Готов?

Мой оппонент в красном шлеме уверенно подергал головой, припрыгивая на одном месте.

– Готов?

Постучав открытыми в шингардах<sup>4</sup> пальцами по кожаному шлему-защите синего цвета, пару раз утвердительно кивнул.

---

<sup>1</sup> Кросс – акцентированный прямой, наносится дальней рукой. Атакующий вкладывает в удар вес тела, перенося его с правой ноги на левую (рассматриваем в качестве примера правшу), одновременно скручивая корпус в момент атаки.

<sup>2</sup> Тормоза (сленг) – наиболее уязвимый участок внешней стороны бедра, его геометрическая середина. Попадании удара по «тормозам» вызывает сильнейшую болевую реакцию.

<sup>3</sup> Лоу-кик – один из серии круговых ударов ногой, наносимый по нижнему уровню (бедро, голень). При правильном выполнении колено вначале поднимается прямо, после чего выворачивается вбок одновременно со скруткой бедер. В этом же движение выпрямляется (выстреливает) голень, доносящая инерцию удара до места атаки; ударной частью выступает как голень, так и подъем стопы. Технически верно выполненный и поставленный лоу-кик буквально сносит с ног неподготовленного человека; иногда такой удар называется лоу-кик-подсечка.

<sup>4</sup> Шингарды – разновидность перчаток-защиты с жесткими накладками до половины пальца. Удобны как при нанесении удара (увеличивают его тяжесть), так и при выполнении бросков – пальцы в шингардах остаются свободными, что позволяет брать захват.

Разве у меня есть выбор? Проклятье, главное не пропустить лоу-кик – он у этого товарища конский...

– Начали!

Капитан-рефери, резко хлопнув в ладоши, тут же отскакивает назад. Он остается в ринге, чтобы предотвратить совсем уже жуткие последствия спарринга, а пока...

Противник одним прыжком рвет дистанцию и без всякой разведки выстреливает в голову акцентированным кроссом. Чисто рефлекторно ухажу в сторону, скорее даже отпрыгиваю – а вдогонку летит бэкфист<sup>5</sup>. Впрочем, и от него я успеваю попятиться.

Жесть, да как с ним драться?! Я боюсь даже находиться рядом!

Корк приближается, легко перемещаясь в челноке<sup>6</sup>; руки он держит не у головы, а где-то на уровне плеч, на значительном расстоянии от груди. Некоторые смельчаки уже пытались достать челюсть оппонента одним лихим ударом, но, как правило, эти попытки заканчивались жестким встречным хуком<sup>7</sup>...

Удар! Лоу-кик режет воздух и встречается с вовремя подставленным блоком; несколько не обескураженный, «аллигатор» тут же обрушивает связку из трех ударов, нацеленных в подбородок: прямой правой, левый хук и апперкот<sup>8</sup> правой вдогонку. Я вновь успеваю рефлекторно закрыться, мимоходом подивившись тяжести ударов – и пропускаю рубящий лоу-кик в левое бедро, мгновенно осушивший ногу. Бедро я не чувствую совершенно...

Капитан-рефери тут же бросается вперед, за секунду оказавшись между нами и не дав добить меня «аллигатору». Впрочем, последний и не особо рвется в бой – как правило, Корк не стремится калечить тех, кто не смог ничего особенного показать в спарринге.

– Слабак... Сопля тошнотная...

Это он мне. Тошнотная сопля... Так и есть, все по факту. Не смог ничего показать, даже, можно сказать, и не попытался... И все?! Пара секунду унижения, благополучный выпуск – и точное понимание того, что я, будущий офицер полиции, не смогу защитить от такого вот «аллигатора» не только обывателей, но и собственную семью?!

– Эй, кэп! Мы не закончили!

Рефери ошалело на меня уставился:

– Ты ударился, малой?! Спарринг окончен!

– Да плевать! Экзамен я завалил, но считаю, что пока нахожусь в ринге, имею право взять еще одну попытку!

Корк лишь презрительно усмехнулся:

– Иди отсюда, щенок, пока голову не отшибли!

Сам дивясь своей наглости, я с некоторым усилием встаю на обе ноги и с насмешкой бросаю:

– Что, великий «аллигатор» обделался? Слабо продолжить?!

– Ах ты, щенок! Ну, иди сюда!!!

– Сам иди, недоделок!

---

<sup>5</sup> Бэкфист – удар с полным разворотом, при выполнении которого спортсмен резко скручивается, разворачиваясь к оппоненту спиной, и выбрасывает руку, целя в челюсть или локтем, или внешней стороной кулака. Благодаря развороту набирает значительную скорость, и, как следствие, становится крайне тяжелым.

<sup>6</sup> Челнок в единоборствах – способ легкого перемещения, позволяющий быстро менять направления движения и защищаться. Ноги в челноке не шагают, а прыгают.

<sup>7</sup> Хук – боковой удар, наносится любой рукой. Скрутка ног и перенос веса тела работают, как и при кроссе, а вот корпус разворачивается практически в два раза сильнее, что обеспечивает большую тяжесть удара. При правильном выполнении удар выбрасывается молниеносно и нередко приводит к тяжелым нокаутам.

<sup>8</sup> Апперкот – восходящий снизу вверх удар, наносится любой рукой с близкой дистанции, нередко в клинче. Перед ударом спортсмен чуть присаживается, сжимаясь, словно пружина, после чего выстреливает ударом вверх, целя в подбородок снизу. При правильном тактическом выполнении оппонент его просто не видит.

Рефери попробовал остановить меня, вцепившись в ворот борцовской куртки – но я с силой отталкиваю его, и начинаю приставным шагом смещаться вправо, разрывая дистанцию с «аллигатором».

Мать моя женщина, да что с ногой?!

Левая волочится с трудом, я испытываю адскую боль – но в тоже время растерянность и страх отступили куда-то в сторону, открывая дорогу сосредоточенности и уверенности в себе. Сознание заполняет какой-то пьянящий восторг и сладкое предвкушение схватки, без всякого сомнения в ее исходе.

И где только они были раньше?!

Сделав пальцами пригласительный жест, я тут же утвердительно киваю головой: мол, ну где ты, друг сердечный?!

А «друг» приближается, чуть раскручиваясь корпусом и поддегивая руками. Кэп уверен в себе на все сто.

Заряжается...

Очередной лоу-кик резко выстреливает в левую; но я, рассеяв взгляд в пространство, успеваю заметить атаку – и среагировать на нее. Лихо крутанувшись на правой, встречным ударом-подсечкой<sup>9</sup> выбиваю опорную ногу противника, обрушив его на настил. Лоу-кик же капитана проходит выше и приходится куда-то в район ягодич, не причинив особого вреда...

– Эй, Алекс, может, встанешь? Мы вроде как спаррингуем, а ты разлежся!

Взбешенный кэп одним прыжком вскакивает на ноги – и тут же выстреливает правым боковым в голову. Сокрушительным правым боковым.

Но я успеваю среагировать: нырок<sup>10</sup> вперед с ударом правой по корпусу – и тут же выпрямляясь, выстреливаю в ответ левым хуком. Удар приходится в вовремя подставленный блок, опытный противник тут же доворачивается, заряжаясь на очередной удар – но я вновь ныряю, на этот раз вниз. Тараню корпус предплечьем правой, вложив в толчок вес тела в полете, одновременно прихватив левую чуть выше колена – и мы благополучно падаем вниз.

Оказавшись сверху поверженного «аллигатора» – где-то в районе живота – тут же захватываю правую оппонента обеими руками, одновременно разворачиваясь поперек туловища. Корк пытается согнуть руку, но я крепко стиснул запястье, одновременно просунув под предплечье правую, и сцепив кисти в замок, заламываю локоть. Более тяжелый и сильный «аллигатор» пытается вырваться; оттолкнувшись от грудины оппонента, перемещаюсь вперед, заправляя ноги под спину кэпа – и, приподнявшись на мостик, скручиваю локоть в стопроцентном болевом<sup>11</sup>!

Корк еще попробовал как-то повозиться, дотянуться до меня левой – но я остался недосягаем для любых его атак. Четыре же мои конечности оказались сильнее правой руки капитана – и он сдался, дважды постучав ладонью по голени.

Есть!!!

Расцепив кисти и давая «аллигатору» освободиться, я одним рывков вскакиваю на ноги, от переизбытка чувств подняв руки и заорав что-то невразумительное. На крик ответили вос-

---

<sup>9</sup> Подсечка – техническое действие, в единоборствах и в борьбе выполняемое разными способами. В единоборствах «подсек» выполняется загнутым внутрь подъемом стопы в круговом ударе, наносимом сзади или изнутри-сбоку по голени или щиколотке оппонента. Эффективна в том случае, если высекается опорная нога.

<sup>10</sup> Нырок – защитное техническое действие в единоборствах, когда спортсмен «уходит» от удара, легко присаживаясь на колени и чуть сгибая спину. При правильном исполнении данное техническое действие буквально напоминает нырок, отсюда и название. К слову, нырок позволяет набрать дополнительную инерцию при нанесении контратакующего бокового удара, если выполняется с подшагом в атаку оппонента (возможно одновременное нанесение удара по его корпусу), а также позволяет легко перейти на бросок, такой, как например, «проход в ноги», «второй этаж» или «прогиб».

<sup>11</sup> Болевой – борцовское техническое действие, при котором локтевой, коленный, плечевой суставы выламываются в противоположную от естественного сгиба сторону.

торженным ревом товарищи-сослуживцы, а уже через секунду уже вся рота принялась скандировать:

– Майк! Майк! Майк!!!

## Глава первая

... Вот уже несколько часов колонна пылит под палящим солнцем. Броня коробочек<sup>12</sup> буквально раскалилась – прикоснешься, получишь ожог. А бесконечные тучи мелкого песка, поднятые колесами и гусеницами бронетехники, не дают даже просто вздохнуть бойцам, рассевающимся сверху! Пыль имеет красноватый оттенок, как и сами скалы вокруг нас; на закате, когда солнце скрывается за горными отрогами, все вокруг принимает зловещий, кровавый оттенок...

Конечно, можно спрятаться в бронированное нутро боевых машин, благо это и прописано в уставе. Вот только духота там... А жара... Но главное – при попадании кумулятивной гранаты<sup>13</sup> из РПГ<sup>14</sup>, десант, разместившийся внутри машины, гарантированно «выбывает из строя». Крохотная, казалось бы, огненная струя прожигает практически любую броню и образует внутри коробочки мини-филиал ада с температурой под тысячу градусов и огромным избыточным давлением; боекомплект взрывается на раз.

Правда, РПГ у альгарских мятежников<sup>15</sup> не особенно и много, чаще они открывают огонь из легкого стрелкового оружия. Вот его попадания противопульная броня наших коробочек успешно держит и надежно защищает разместившийся внутри десант.

Но раз на раз не приходится.

Между тем, наше путешествие неотвратимо подходит к концу. Крайняя «точка»<sup>16</sup> всего километрах пяти к югу – разгрузим в ней остатки «гуманитарки» (тушёнку, сухари, концентраты круп, патроны, гранаты, медикаменты), заночуем под прикрытием хорошо налаженной обороны «диких псов»<sup>17</sup>, а завтра налегке на базу...

Пять километров – минут двадцать, максимум полчаса неспешной езды. Бойцы из «молодняка»<sup>18</sup> заметно оживились, начали неуверенно улыбаться своим мыслям (скоро ужин, а там и блаженный сон), кто-то достал сигареты, кто-то стал вполголоса травить байки о гражданке, сводящиеся в основном к двум вещам – вкусной жратве и бабам. Правда «старички»<sup>19</sup> мгновенно среагировали крепкими подзатыльниками, но бывалые бойцы и сами уже несколько

---

<sup>12</sup> Коробочка (армейский сленг) – общее определение боевых машин, начиная бронетранспортерами и заканчивая танками.

<sup>13</sup> Кумулятивная граната – вид боеприпаса, основанного на кумулятивном действии. Выполняется как в ручном варианте, для броска, так и в качестве «выстрела» к гранатомету.

<sup>14</sup> РПГ – ручной противотанковый гранатомет.

<sup>15</sup> Альгарские мятежники, также черные, духи (слэнг) – коренное население Альгары (военные нередко используют термин зона «А»), государства «первого», самого крупного из материков, воспротивившееся иностранному вторжению в страну. Черными также называют альгарских беженцев, мигрировавших на «континент» – союзное государство, полностью включившее в себя страны третьего материка. История конфликта такова: ради поддержки «демократического режима» в Альгаре, власти континента санкционировали ввод в страну собственных военных континентов, фактически начав интервенцию. Результатами более чем десятилетнего военного противостояния, определяемого как партизанская война, стали массовая миграция коренного населения Альгары на континент, сумасшедший рост плантаций наркотических растений в стране и создание масштабного наркотрафика, опять-таки, на континент. Ну, а кроме того, установление в страны «карманного» демократического правительства и гибель более ста тысяч гражданского населения Альгары (континентальная группировка военных недосчиталась порядка пятнадцати тысяч убитых и пропавших без вести, более пятидесяти тысяч раненых). Официальные данные о потерях мятежников отсутствуют, но военными оцениваются примерно в сорок тысяч человек.

<sup>16</sup> Точка (армейский слэнг) – армейский опорный пункт. Как правило, занимаемая небольшим подразделением (от взвода до роты) господствующая у дороги высоты, превращенная в мини-крепость. Позволяет как контролировать движение по дорогам, так и развивать дальнейшее наступление вглубь враждебных территорий.

<sup>17</sup> Дикие псы (армейский слэнг) – гарнизон точки, заступаемый на полугодовое дежурство. В связи с постоянной внешней угрозой и нередкими нападениями повстанцев, обладают высокими боевыми качествами; нередко перенимают у мятежников приемы партизанской войны. Склонны к проявлению инициативы в бою и нарушением всех норм субординации в повседневной службе.

<sup>18</sup> Молодняк (армейский слэнг) – контрактники первого двухгодичного срока, только что прибывшие в зону боевых действий. К слову, зона «А» расшифровывается как зона боевых действий Альгары.

<sup>19</sup> Старички (армейский слэнг) – контрактники, имеющие за спиной как минимум один год службы в зоне боевых действий.

расслабились. Это заметно по изменившимся позам, из которых уходит изматывающее напряжение, по более рассеянным взглядам, которые уже не вглядываются в каждый валун на гребне окружающих скал...

...Когда жуткая пламенная вспышка осветила узкую горловину ущелья в голове колонны, мое сердце даже не билось с ритма. И дыхание оставалось таким же ровным, тяжелым, неспешным... Я еще не понял того, что единственный сопровождающий колонну танк (мощное орудие, крупнокалиберный пулемет на зенитной турели, динамическая защита брони) подорвался на искусно замаскированном фугасе. И даже когда с обеих скальных гребней ущелья разом ударили десятки стволов, сметая с брони зазевавшихся парней – я не понял, я просто не успел понять, что мы попали в засаду.

– Прыгай!!! Бегом с брони, обезьяны!!!

Тяжелый подзатыльник скинул меня вниз. Неловкое падение, удар... и резко кувыркнувшись вправо, я инстинктивно бросаюсь вперед, к здоровенному булыжнику. Вбитый в учебке<sup>20</sup> рефлекс искать под обстрелом любую защиту (правда, сержанты лупили хоть и от души, но только холостыми) спас меня в первое мгновение боя – пока черные увлеченно расстреливают бойцов на броне. Короткая очередь взбила щебень заметно правее, да и то с заметным опозданием.

Судорожно, трясущимися пальцами перевожу переключатель огня в автоматический режим, рывком передергиваю затвор. Перед выходом старики жестко предупредили, что до кровавых соплей забьют молодого, кто заранее дошлет патрон в ствол – слишком много из-за таких недоумков несчастных случаев. Вот только сейчас приходится тратить на это лишние секунды... Сердце бьется как загнанный заяц, кровь стучит в жилах так, что отдает в висках. На мгновение высунувшись из-за укрытия, оцениваю разделяющее нас с противником расстояние и перевожу целик на сто пятьдесят.

Все. Пора.

– А-а-а-а!!!

Бешено крича, что есть силы, вновь высовываюсь и даю длинную неприцельную очередь в сторону альгарцев. Автомат круто задирает вверх, и даже в таком, полубредовом состоянии я понимаю, что очередь сильно рассеивается, что от такого огня противник пострадает разве что случайно. Но я продолжаю давить указательным пальцем на спусковой крючок в припадке ярости и страха, не в силах остановиться – пока дрогнувший под ударами камень не отозвался, давая понять, что и враг стреляет в меня. В тоже мгновение я вновь спрятался за валуном, распластавшись на остром щебне и судорожно хватая воздух ртом.

На мгновение оборачиваюсь: сержант<sup>21</sup> Дик Ларс ведет огонь короткими, скупыми очередями, укрывшись за углом БТР<sup>22</sup>. И как-то сразу становится понятно, что выдавший виды

---

<sup>20</sup> Учебка (армейский слэнг) – тренировочный лагерь для молодых контрактников, рассчитанный на полгода подготовки. По традиции континентальных войск именуется Фортком, как например, Форт-Граф в Нью-Лэнде.

<sup>21</sup> Сержант – воинское и полицейское звание, имеющее разное значение в указанных структурах. В континентальной армии звание «сержант» относится к низшему командирскому составу, по должности соответствуя командиру отделения или командиру машины. В полиции «сержант» – это первое полицейское звание копа; нередко последнее.

<sup>22</sup> БТР (аббревиатура) – бронетранспортер. Колесная или колесно-гусеничная легкобронированная машина мотопехоты, десантных войск и морских котиков, основной целью которой является транспортировка войск в зоне боевых действий. В отличие от БМП не выступает в качестве самостоятельной боевой единицы, но имеет средства поражения в виде спаренной установки единого ручного и крупнокалиберного пулеметов, с вертикальным углом наклона ствола до шестидесяти градусов. БМП (аббревиатура) – боевая машина пехоты. Гусеничная легкобронированная единица бронетехники с автоматической пушкой калибров семьдесят шесть или тридцать миллиметров (в зависимости от класса), и спаренным с ней единым ручным пулеметом. Также имеет средства поражения вражеской тяжелой бронетехники в виде установки ПТУР – противотанковой управляемой ракеты. Выполняет роль как средства транспортировки в бою, так и самостоятельной боевой единицы, эффективно поражающей живую силу, огневые точки и легкобронированную технику противника. В отличие от колесных БТР очень тряская и неудобная для длительной транспортировки десанта.

отделенный<sup>23</sup> целиться, и возможно даже попадает. Вот он вновь спрятался за бортом машины; несколько раз энергично ударив по броне, что-то показывает Винсу. Через секунду я понял, что такой же зеленый, как и я, башенный стрелок просто «зевнул» – но взнузданный Ларсом, включился в бой, ударив из крупнокалиберного пулемета.

И тут же интенсивность огня противника на нашем участке упала. Четырнадцать и семь миллиметров! Подумать только! Да пули такого калибра способны в мелкие осколки раскрошить каменную глыбу, за которой я укрылся! Ну, сейчас мы им покажем...

Вновь высунувшись из-за своего укрытия, я ловлю в прицел вспышки вражеского огня. Чуть опустив ствол так, чтобы вспышка оказалась ровно над срезом прицела, указательным пальцем правой давлю на спуск – на этот раз мягко, на выдохе. Вбитый с учебки рефлекс наконец-то сработал...

Один... Два... Три! Сразу три дымных вспышки в скалах напротив нас! Вновь инстинктивно спрятавшись за валун, я с ужасом уставился на боевую машину своего отделения, широко раскрыв глаза. В этот же миг крупнокалиберный пулемет замолчал – видимо, Винс также успел разглядеть опасность – а еще через мгновение три мощных удара сотрясли землю под ногами; от грянувших взрывов заложило уши.

Одна кумулятивная граната не долетела до цели, попав в валун впереди и слева от меня; во все стороны ударили каменные осколки. Вторая взорвалась между нашей коробочкой и остановившейся впереди грузовой машиной, не причинив особого вреда. И только третья прошили броню БТРа в районе кормы... Тяжелый удар, сотрясший машину, отбросил все еще укрывающегося за ней сержанта на землю, а изнутри ее вдруг раздался дикий полурев-полувои не пойми откуда взявшегося в ней зверя. Только секунду спустя до меня дошло, что это кричит заживо сгорающий рядовой Винс...

И в этот миг я почувствовал НАСТОЯЩИЙ страх. Смертный, парализующий ужас, когда ты и пальцем пошевелить не можешь, а способен лишь безмолвно взирать на то, как в подбитом БТРе заживо сгорает твой товарищ... А ведь в машине оставался еще и механ<sup>24</sup>, Рольф...

Резко распахнув глаза и судорожно сглотнув, сержант полиции Варрон Рук оторопело осмотрелся. Кошмар, вот уже на протяжении последних двадцати лет возвращавшийся с завидным постоянством, был настолько реален, что первые мгновения после пробуждения Варрон не мог понять, где он находится, и куда делись горы и колонна. Лишь несколько секунд спустя связь с реальностью восстанавливалась, и сержант обрел ясность сознания.

С трудом прочистив севшее со сна горло, Варрон встал и, сморщившись от боли в правом колене, заковылял к ванной. Нога болела не все время, уже полчаса спустя после пробуждения офицер забывал о старом огнестрельном ранении, полученном на службе в полиции. А пока он выполнял ставший привычным утренний ритуал: умывался ледяной водой, чистил зубы, после чего шел на кухню и заваривал крепчайший кофе.

Выпив чашку обжигающего, бодрящего напитка, Варрон не спеша оделся: выдавшие виды синие джинсы с толстым кожаным ремнем и закрепленным на нем значком, не очень свежая серая рубаха – но и не слишком грязная.

Вот уже как десять лет сержант разошелся с супругой, дочь-подросток живет в общежитие колледжа, а редкие, случайные женщины, согревающие его постель, не особо заботятся о внешнем виде очередного «кавалера». Для большинства из них короткая близость с офицером была одной из череды многих, и утром любовники нередко не могли вспомнить имен друг друга. Нет, была одна «подруга жизни», нашедшая что-то в Варроне и пытавшаяся хоть как-то заботиться об офицере, вдохнуть жизнь в его холостяцкое жилье – но тут уж заднюю дал сам Варрон. С некоторых пор он был точно уверен, что приносит близким людям лишь стра-

---

<sup>23</sup> Отделенный (армейский слэнг) – командир отделения.

<sup>24</sup> Механ (армейский слэнг) – механик-водитель боевой машины.

дания, и потому тут же прекращал отношения, почувствовав хотя бы слабый намек на сердечную близость.

Короткое облачение закончилось еще одним ежедневным ритуалом – офицер достал из-под подушки табельный «гард», не спеша изъясил магазин, после чего снял ствол с предохранителя и передернул затвор, извлекая из оружия досланный на ночь девятимиллиметровый патрон. Грубое нарушение всех мыслимых и немыслимых техник безопасности... однажды спасшее Варрону жизнь. И все же на работе следует соблюдать хоть какие-то правила, ведь офицеры внутренней безопасности<sup>25</sup> нередко проверяют табельное оружие простых копов.

Контрольный спуск, щелчок предохранителя, и девятиразрядный магазин отправляется в рукоять ствола. Потертая кожаная кобура занимает свое место на по-прежнему широких плечах офицера, клапан фиксирует «гард» – и для приличия накинув на плечи легкий пиджак, сержант последовал к двери.

Спустившись на два этажа вниз и выйдя на дворовую парковку, Варрон сел в видавший виды пикап. Уже довольно старая, подержанная машина пережила несколько аварий, а однажды побывала в настоящей перестрелке, получив несколько пуль в боковую дверь. Но надежный движок все еще исправно работает – и пикап мягко покатила сержанта на своих широких колесах.

Последние пять лет Варрон заимел привычку рано вставать – часа на полтора раньше выставленного с запасом будильника. Поэтому дорога была свободна и офицеру не приходилось ежеминутно сигналить в пробке и материть нерасторопных водителей, чье поведение за рулем заставляет сомневаться в их адекватности. Всего лишь через час они намертво заблокируют дорогу и тогда проехать будет уже практически невозможно...

Через полкилометра сержант сделал первую остановку – крохотная закусочная «у Хенка» начинает работать с шести утра и специализируется на обслуживании таких вот ранних пташек, как Варрон, а закрывается ровно в семь вечера. Да, Хенк – владелец забегаловки – теряет основную прибыль с любящих пропустить за воротник работяг, сбегаящих из дома часов в девять, и, как правило, гудящих до полуночи. Но с другой стороны, на памяти Варрона ни один отморозок не пытался ограбить забегаловку, ни одна пьяная компания не выясняла отношения внутри, вдребезги разнося закусочную – и это было действительно большая редкость для района рабочих.

– Привет, Лиз.

– Привет Варри. Как обычно?

– Да, как обычно...

Сержант с некоторой горечью отметил, что Лиз сильно сдала за последние пару-тройку лет: шею и лоб покрыли глубокие морщины, под некогда выразительными зелеными глазами надулись мешки, да и поправилась старая знакомая килограмм так на десять. Впрочем, если не заострять внимание на измученном лице с застывшей на нем печатью апатии и скорбного равнодушия, объемистый, но не потерявший формы зад Лиз и тугие сиськи, едва ли не вываливающиеся из лифчика, по-прежнему привлекают внимание подвыпивших работяг. И в этом заключается еще одна причина раннего начала работы закусочной, и раннего его окончания: Лиз приходится Хенку племянницей, и хозяин заведения по-своему пытается беречь родственницу.

Как-то раз те самые пару-тройку лет назад Варрон подкатил к единственной в заведение официантке. Точнее, Лизабет сама попросила проводить ее до дома, сославшись на какого-то приставучего козла, не дающего ей прохода. Сержант не отказал женщине в маленькой просьбе, вот только «ухажер» так и не появился на горизонте: толи испугался известного крутым нравом

---

<sup>25</sup> Внутренняя безопасность – контролирующий орган министерства внутренних дел, департамент, отвечающий за исполнение нормативных документов полицейскими и законность их действий.

копа, толи просто не существовал в природе. В благодарность Лиз пригласила сержанта на чай, ненароком обмолвившись, что сын гостит у бабушки... А буквально пару минут спустя они практически с яростью набросились друг друга: оба партнера изголодались по близости и отдались ей сполна. Варрон как сейчас чувствовал в руках тепло полной, пухлой груди и сладкий, влажный жар внизу, где тела мужчины и женщины сливались воедино...

Увы, после всего случившегося осталась лишь стыдливая неловкость и ощущение полной опустошенности внутри. Лиз провожала Вара, пытаясь спрятать катящиеся из глаз слезы; возможно, немолодая уже женщина рассчитывала на что-то большее, чем секс без обязательств, возможно, ее измучило постылое одиночество не только в постели, но и в сердце. Быть может, она сделала ставку на копа именно потому, что интуитивно чувствовала в нем некий стержень и внутреннее благородство, коих никогда не ощущала в бывшем муже. Да, в свое время красивая и подающая надежду в учебе девчонка залетела по глупости и молодости лет, и вышла явно не за того парня... Вот только Варрон, чье сердце практически целиком выжгла давняя трагедия, всем своим видом показал, что рад утехам плоти – но не более того.

А вот сейчас сержант вдруг понял, что останься он тогда с Лиз, дай ей хоть немного душевного тепла – и быть может сейчас бесчисленные морщины и выражение полной покорности судьбе не так уж и жестоко обезобразили бы ее лицо, и не факт, что появились бы лишние килограммы. Но это был всего лишь легкий укол совести, совершенно незаметный на фоне раздирающего душу чувства вины, съедающего Варрона последние десять лет...

Бургер с курицей и сыром, овощной салат с зеленью, апельсиновый сок – сержант уже давно был вынужден следить за тем, что ест – и тепло попрощавшись с Хенком, офицер покинул закусочную. Его ждал очередной рутинный день на давно привычной, потерявшей все краски работе. Проклятой работе, отнявшей у Варрона настоящую жизнь и подменившей ее серым существованием. Но она же давала офицеру хоть какую-то цель...

– Эй, Рук! Зайди к Нэтали!

– Сэм, иди домой, проспись.

– Вар, я серьезно! Она с утра просила направить тебя к ней!

Выругавшись про себя, Варрон последовал от дежурки не налево, в общий зал детективов, а направо, в крыло руководства, где и находится кабинет единственного кадровика участка. Да, в этот раз день начался не дежурным приветствием диспетчерской смены, одновременно выполняющей функцию КПП<sup>26</sup> – тем самым нарушив третий за утро привычный ритуал...

– Нэтали?

– Вар.

Короткий приветственный кивок располневшей дамы, вольготно расположившейся в широком кожаном кресле – чрезвычайно удобном – и кадровичка протянула сержанту тонкую папку с делом.

– Это что?

Вар чуть ли не физически ощутил исходящий от папки запах проблем и благоразумно не стал брать ее в руки.

– Сержант, – когда Нэтали было нужно поставить не признающего авторитетов начальства Вара, она подчеркнуто холодным тоном обращалась к нему по званию, – вы **ОБЯЗАНЫ** участвовать в программе наставничества. И за последние пять лет вы единственный в отделе офицер, не работавший с молодыми сотрудниками.

– Да ладно, Нэт, ты же знаешь мой характер...

Жестко поджав губы, кадровичка настойчиво протянула папку:

---

<sup>26</sup> КПП (аббревиатура) – контрольно-пропускной пункт. В здании полицейских участков часто называется «аквариумом», так как дежурный офицер сидит в замкнутом помещении, внешнюю стенку которого заменяет ростовое стекло.

– Бери без разговоров, Вар! В этот раз ты не открутишься!

– Зараза...

Рук раздраженно взял папку и круто развернувшись, направился к двери. Вообще-то он был обязан Нэтали более других, в свое время именно она прикрыла его в период жестких запоев, когда Вар глушил остаточную сердечную боль дешевым виски – и потому признавал за ней право приказывать. Но и не попытаться соскочить он тоже не мог, на этой работе иначе нельзя...

– Ничего, молодежь отлично знает отчетность, пусть новичок подтянет твои документы...

Слова Нэтали настигли Вара в дверях, и поэтому она уже не услышала его раздраженный ответ:

– Глупость! Полиции нужны копы, а не клерки. Вот ведь, навязали же...

Новичок уже стоял у стола детектива: высокий, в черной, облегающей крепкую спортивную фигуру полицейской форме, сверкающий жетон на груди, «гард» в поясной кобуре точно на правом боку – все по уставу. Короткая стрижка, прямой взгляд умных, серых глаз – явно не слабак и не сыночек высокопоставленного отца. Да последних никогда и не отправляли в эту дыру... Внутренне признавшись самому себе, что парень производит приятное впечатление, Варрон тут же глухо зароптал – ему довелось потерять из-за службы не только сына, но и пару настоящих друзей-напарников. Причем одних из них тупо продал семью Вара за карточные долги, что и стало причиной трагедии, разбившей судьбу офицера. А вот второй, Фрэнк, к коему нелюдимый с известных пор сержант старался не проникаться, но все же проникся, по глупости подставился в разборке альгарцев и островитян<sup>27</sup>. Словил пулю, а старший напарник был вынужден смотреть в глаза матери, не понимающей, как ее неопытный сын погиб, а старший, бывалый товарищ остался жив и невредим... И вот, очередной новичок был похож на Фрэнка, и Вар тут же решил, что будет учить его жизни предельно жестко.

Между тем, молодой сержант сделал шаг навстречу, интуитивно угадав в подошедшем копе прикрепленного наставника. Открытая улыбка, радушно протянутая рука – но Вар лишь прошел мимо, с кислой миной бросив папку на стол.

– Эй Рук! Бери мальчика, в черном квартале убийство.

– Твою ж налево...

Да, этот день точно не задался...

---

<sup>27</sup> Островитяне (жаргон) – общее название эмигрантов с островов внутреннего моря, разделяющего первый и второй материки. Острова известны высочайшим криминогенным уровнем; фактически, они управляются не избранным правительством, а советом наиболее авторитетных донов, лидеров криминальных семей. Перебравшись на континент, выходцы с островов поддерживают традиции своей малой Родины. Но при этом «семьи» формируются уже не по кровному родству, а по самому факту происхождения: в криминальный клан может вступить любой способный островитянин.

## Глава вторая

Н-да, такого Майк не ожидал... В смысле он понимал, что новичков не всегда хорошо привечают, что служба в полиции командная игра, и что необходимо хоть как-то себя проявить, чтобы сослуживцы начали видеть в нем личность, настоящего офицера, а не желторотого юнца.

К слову, им уже были предприняты некоторые шаги. Да, со стороны службы проявлять себя придется не один день, и за любой шанс необходимо хвататься всеми конечностями, коли такой представится – а что он обязательно представится, Майк не сомневался. Но ради того, чтобы влиться в коллектив, новоиспеченный сержант приготовил целый ящик отличного брэнди. На его покупку были потрачены половина подъемных, но Тодоровски ни о чем не жалел – еще в академии его научили, что успешная служба всегда начинается с достойной проставы.

Майк ничем не показал, что огорчен направлением в двенадцатый участок, контролирующей криминальный район черных – в конце концов, подобный опыт в дальнейшем будет очень кстати для продвижения по службе. Он ведь не чей-то сынок, чтобы рассчитывать на первый или четвертый, где толстосумы «долины нищих»<sup>28</sup> щедро одаривают полицейских даже за мизерную помощь, а патрули ежедневно любят толпой практически обнаженных девчонок, следующих на «золотой пляж»<sup>29</sup>. Так что да, Майк был готов ко многому и не роптал на счет места службы... Но вот чтобы так?! Чтобы офицер-наставник даже не подал руку, поприветствовав закрепленного новичка лишь презрительной ухмылкой?! Да что такого он о себе возомнил, сноб спесивый?!

И имя какое-то с понтами – Варрон... Что хоть за имя? Откуда он такой вообще взялся?

Внешний вид наставника также оставляет желать лучшего: какая-то засаленная, потрепанная одежда, явно неглаженная; недельная щетина с пробивающейся сединой, мешки под глазами, замершее на лице выражение недовольного презрения... Что, блин, за клоун?!

Роста среднего; да, когда-то занимался спортом, плечи по-прежнему широкие, да и руки довольно крепкие, но заметно, что давно за собой не следит – слишком явственно наметилось брюшко, да и в общем плане фигура какая-то грузная. Цвета глаз Майк не разобрал – вот собственно, и весь портрет офицера-наставника, никаких явных, бросающихся в глаза примет.

Между тем сержант Варрон молча развернулся и также молча направился к выходу, не проронив ни слова. Майк в нерешительности замер на месте – ну что делать с таким придурком, бежать следом или дожидаться, пока он сходит, к примеру, отлить?

– Эй, новичок! Ты чего, стоя уснул?! А ну бегом!

Уже в дверях офицер-наставник развернулся к Тодоровски и разразился презрительной тирадой. Сгорая от стыда и внутренне матеря сержанта, Майк поспешил следом, ловя на себе насмешливо-презрительные взгляды детективов.

Да, похоже, что на новом месте ему придется гораздо сложнее, чем он мог себе представить...

Дорога в черный квартал не отделилась в памяти чем-то особенным. Все как всегда: серые, неухоженные дома, уровень бедности и заброшенности которых все возрастал с приближением к месту преступления, пара дешевых забегаловок, такой же дешевый стриптиз бар, открывающийся лишь по ночам... Три поворота налево, один направо, три с половиной кило-

---

<sup>28</sup> «Долина нищих» – фешенебельный район частного жилья толстосумов Нью-Лэнда.

<sup>29</sup> «Золотой пляж» – участок чистейших белых песков Нью-Лэнда, огражденных с моря защитной сеткой от акул, одна из самых известных достопримечательностей города. Благодаря особому статусу, является платным, но для красивых молодых девушек, как правило, делают исключения. В совокупности эти факторы превратили пляж в место отдыха золотой молодежи, что и дало название месту.

метра пути за четверть часа – и вот они на месте. Между тем за всю поездку Рук не сказал Тодоровски ни слова, фактически игнорируя его присутствие в машине.

– Здорово, Рик!

– Привет, Варрон.

Дюжий коп из патрульной службы крепко пожал руку сержанта, приглашающим жестом направляя его к оцепленной тремя патрульными площадке; на ней уже возилась пара криминалистов. За спинами полицейских не сразу удалось разглядеть лежащий в неестественной позе труп молодого мужчины, чья кожа уже успела заметно посереть.

«Мой первый» – с неясной тревогой подумал Майк.

– Как прошло дежурство?

– Да практически как обычно: пара драк, ложный вызов на счет семейной разборки, и уже под утро натолкнулись на этих клоунов со жмуриком.

– Семейная разборка? – в голосе сержанта Рука прозвучало неподдельное удивление.

– Да, – кивнул Рик, – для черных явно нетипично. Но ты же знаешь, если есть вызов, мы обязаны среагировать...

Да что за придурки? Перед ними лежит убитый, а они на счет семейных разборок разговаривают?!

Не желая больше слушать бесполезную болтовню копов, в упор его не замечающих, Майк двинулся к криминалистам, решив, что может хотя бы от них услышать что-то полезное.

Последние в своих белых халатах напомнили ему врачей, чьи напряженные взгляды внимательно исследовали пациента. Правда, он был «скорее мертв», но сходство с медиками было поразительным. И тот факт, что они не обратили на Тодоровски никакого внимания, уже несколько его не смутил, а вот беглое приветствие патрульных – будто со старым знакомым поздоровались – действительно выбивалось из картины сегодняшнего дня. И выбивалось в лучшую сторону.

Ободренный, Майк начал внимательно исследовать лежащего на асфальте мужчину. Что сказать – явно южанин, хотя нетипично для черных целиком выбрит. На лице несколько гематом и ссадин, над правым глазом запекшаяся сечка. Сбитые костяшки немного поцарапаны – похоже, парень все же дал бой перед кончиной. Достаточно спортивный – впрочем, неспортивных альгарцев Майк еще не встречал, – на правом бицепсе татуировка в виде змеи. Смерть наступила от нескольких ножевых в районе живота; кожаная безрукавка залита уже запекшейся кровью и Тодоровски насчитал как минимум три ранения.

– Время?

Варрон незаметно подошел сзади, тут же обратившись к возящимся с трупом криминалистам.

– Привет, Рук. Около половины третьего, убили не здесь.

– Сэм, ты серьезно?! Нет, ты действительно так считаешь?! – наставник с издевкой усмехнулся, – Рик рассказал о клоунах, бросивших тело при виде патрульной машины, и со всех ног дунувших на заброшку промзоны. Да они его туда и несли... Эй, я уверен, что, если мы как следует тряхнем ее силами патрульной роты и кинологов, мы найдем там целое кладбище жмуриков.

Беседующий с Варром криминалист неожиданно широко и белозубо улыбнулся:

– И столько же «висяков»<sup>30</sup>, верно?

– Верно... Да и этого туда же. Уже какой по счету...

---

<sup>30</sup> «Висяк» (полицейский сленг) – дело, для расследования которого совершенно не хватает улик. Обычно «повисает» как нераскрытое на ведшем его детективе, что основательно портит ему статистику и неминуемо отражается на квартальной и годовой премиях.

Последние слова наставника, произнесенные как-то буднично, и в тоже время тоскливо-беспомощно, прорвали плотину копившегося в Майке раздражения. Если поначалу он посчитал, что сержант Рук пусть и очень гордый, неприятный тип, но, по крайней мере, его самомнение базируется на фундаменте из богатейшего опыта из десятков успешно раскрытых убийств, то теперь перед его глазами предстал лишь конченный неудачник, неспособный адекватно оценивать ни людей, ни ситуацию.

– Seriously? Вы серьезно, детектив?! Очередной «висяк»?! Может, не будем и пытаться его расследовать? Может, сами отнесем тело на заброшку промзоны?!

Варрон обжег разгорячившегося Майка ледяным взглядом:

– Эй, а я вижу, ты полон энтузиазма, малыш, – последнее слово сержант выделил особо презрительной интонацией, – так вот тебе и карты в руки. Тем более сержант, ты, – опять сарказм в голосе, – закончил академию, знаком с передовыми методами расследования преступлений... Так что дерзай. По результатам доложишь.

Тодоровский только глотнул ртом воздух, еще не веря, что Варрон просто так бросит его одного. Однако детектив Рук действительно развернулся спиной к сослуживцам и неспешно двинулся к своему пикапу.

– Вот урод!

Майк не очень громко, но очень эмоционально выругался на счет наставника, что не утаилось от криминалистов:

– Не парься, молодой, мы поможем. Сейчас составим вместе с тобой акт осмотра тела, первичный анализ повреждений, снимем показания патрульных, затем оформим протокол...

## Глава третья

Не зря работу детектива процентов на девяносто называют бумажной. Какие тут могут быть поиски и раскрытие дел, если по каждому преступлению необходимо оформить до десятка бумаг? К тому же каждый месяц мы должны составить около пяти-семи отчетов, а в конце квартала целый десяток!

И все же в этот раз заполнение обязательных протокольных форм пошло мне на пользу. Во-первых, я отвлекся от раздражения на офицера-наставнику, во-вторых, почувствовал себя нужным и полезным, делая привычное уже дело, а в-третьих, составляя бумаги, целиком сосредоточился на преступлении, подмечая ускользнувшие до того детали. Впрочем, ничего действительно важного, что могло бы мне помочь раскрыть дело, обнаружить не удалось.

Кажется, последнее я произнес вслух...

– И не найдешь, – Сэм сочувственно покачал головой, – будь преступление связано не с внутренними разборками клана, Варрон не уехал бы, бросив дело на новичка.

– А почему ты считаешь, что убийство связано с внутренним конфликтом?

В разговор вдруг включился второй криминалист, Ник, длинный, сухопарый и бледный сухарь с дребезжащим, неприятным голосом:

– Да потому, что будь иначе, и вокруг места преступления крутился бы едва ли не весь его – кивок в сторону трупа – клан. А как только альгарцам удалось бы узнать хоть что-то стоящее, они тут же двинули бы мстить. Я не встречал более дружных и сплоченных преступных организаций, чем кланы черных.

– Так, а вы не предполагаете возможным, что этот труп есть результат противостояния двух разных кланов? – я поинтересовался очень осторожно, боясь хоть как-то оттолкнуть не очень-то и дружелюбного криминалиста.

– Вряд ли. Это не мафиозные «семьи» с острова, где половина состава боевых бригад набирается из пришлых, а одна «семья» готова вцепиться в глотку другой за «дань» от вшивенькой торговой точки. Клань альгарцев являются семьями в буквальном смысле – все представители любого из них так или иначе являются родственниками, пусть и дальними. А вот в структуре их преступной организации кланы черных играют роль... скажем, одна семья есть одна рота, а все вместе они батальон. Ну, или полк. Доступно?

– Кажется, не совсем...

Лицо Ника исказилось в гримасе раздражения:

– Ну что тут неясного? Те же островитяне всегда сами по себе, на манер независимых герцогств при слабом короле – вроде все вместе, но при желании вполне могут устроить хоть междоусобную войну, хоть скинут короля.

– А у черных гораздо более жесткая дисциплина?

– И уровень взаимодействия. Они как бы отдельный мир, в котором живут по своим законам.

– То есть, случаев противостояния кланов в принципе не было?

– Ну почему же, – слово взял Сэм, – у себя на родине они и не такое творили, там правила бал кровная месть между кланами. Но только до нашего вторжения... А здесь они держатся друг друга, беспрекословно подчиняются совету старейшин. Но на моей памяти как минимум один конфликт между семьями случился, года три назад. Дело, как всегда, приключилось из-за женщины, точнее девушки. Парень из чужого клана влюбился, она ответила взаимностью, а родители были против... Девушки черных всегда гуляют в компании братьев, влюбленный попытался отбить свою милую, похитить – у альгарцев такое практикуется, если сумел своровать, родители уже не имеют права вмешаться. Вот только что парень, что ее братья имели при себе стволы, дело дошло до пальбы, была пара убитых... Но черные тогда спрятали тела,

близкие жертв наотрез отказались писать любые заявления, так что в итоге детективы убралась из района не солоно хлебавши. Ну, а конфликт альгарцы порешали на совете старейшин, не допустив кровной мести.

– Ничего себя, – мне осталось лишь удивленно присвистнуть, – они выходит, вообще сами по себе? Государство в государстве? И ни полиция, ни закон им не указ?

Ник зло усмехнулся:

– Ты как будто со спутника свалился! Черные башляют кому надо, так что любая попытка прижать их кончается лишь диким воем правозащитников, орущих о новых военных преступлениях и дискриминации «безобидных» альгарцев, да громкими выступлениями продажных политиков, вещающих о недопустимости предвзятого отношения к бедным мигрантам... Чересчур инициативные офицеры полиции и прокуратуры теряют должности, а черные в очередной раз убеждаются в собственной неприкасаемости!

– Твою же ж! – хоть озвученные истины и не стали для меня откровением, но все же здорово задела, – Неудивительно, что все дела по альгарцам оборачиваются «висяками»... Стоп. А откуда тогда этот труп?

Сэм криво ухмыльнулся:

– Судя по их реакции на данное тело, чувак явно крысил. В основном альгарцы навариваются на наркоте, крышевании проституток, да откатах от бизнеса на подконтрольной территории. Так вот, среди молодежи черных, из тех, кто переехал сюда в детском возрасте или даже родился в городе, находятся молодчики, рискующие «чуть-чуть» подзаработать для себя. Они не помнят войны, не знают трудностей жизни, а скорее даже и выживания в горах, не так почтительны к совету старейшин... Одним словом, менее управляемы и более отморозены – раз решаются воровать у своих. Но коли таких поймают за руку, то не церемонятся, пощады от своих не дождешься. Этот молодчик явно из категории последних.

– «Висяк»...

– Так точно.

...Мы наконец-то закончили работу; тело загрузили в труповозку, патрульные сняли ограждение из пластиковых телескопических столбов и черно-желтых в полоску лент, натянутых между ними... На душе какая-то опустошенность напополам с горечью, и, хотя рабочий день начался всего три часа назад, есть ощущение, что я отпахал едва ли не патрульную смену.

– Эй, Майк, может перекусим?

– Но до обеденного перерыва еще целый час...

– Да брось ты, – Сэм приветливо улыбнулся, – Варрон не просто так оставил тебя вместе с нами, мы же из одного участка! Так что подкинем сослуживца, без вопросов. А насчет обеда – у нас такая работа, перерыв хоть и определен, но по факту тебя могут дернуть в любую секунду. Потому пользуйся моментом и подкрепляйся всякий раз, когда есть возможность, добрый тебе совет от старших товарищей...

Парни завезли меня в неплохую закусочную, где Сэм порекомендовал взять нарезанную крупными кусками сочную картошечку, зажаристую до золотистой корочки и щедро присыпанную пряными травами. К порции картофеля добавился двойной бургер с помидором, фирменным соусом, сыром, подрумяненным беконом и толстой куриной котлетой, а запил я все это доброй поллитрой сладкой газировки. Безусловно, спортивную форму с таким питанием долго не удержать, но, раз на то пошло, утро первого рабочего дня выдалось тяжелым, и хоть какие-то положительные эмоции мне просто необходимы.

– Да парни, вы знаете толк во вкусной пище...

Сэм, сладко улыбаясь, одобрительно кивнул, а Ник, в итоге заказавший себе безвкусный овощной салат, словно не заметил моего комментария. Да ну и пусть, ведь мог же заказать себе что повкуснее.

– Кстати, у меня назрел еще один вопрос! Получается, что черных вообще никто не смеет трогать? И детективы вообще не расследуют их дела?

Сэм равнодушно пожал плечами, но слово неожиданно взял Ник:

– Почему же? Года три назад несколько обкурившихся отморозков из неуправляемой молодежи залезли в квартиру обычной, никак не связанной с их делами семьи. Отца и мать они зарезали сразу, а дочь насильовали всю ночь, прежде, чем вскрыть ей живот на утро...

У меня аж зубы закрипели от ярости:

– Твари!!!

– Верно, те еще уродцы... Расследование тогда получили твоему наставнику, Варрону – так он начал землю носом рыть. Черные тут же предложили ему солидную сумму отступных, но сержант Рук отказал; попробовали напугать – так он отоварил пришедших к нему домой альгарцев бейсбольной битой, а после засунул ствол одному из засранцев в рот и доходчиво объяснил, что ветераны альгарской кампании угроз не боятся. А также велел передать старейшинам, что совершившие преступление отморозки шагнули далеко за край, и что он доберется до них во чтобы то ни стало...

Я изумленно присвистнул, но удивление тут же сменилось здоровым скепсисом:

– Эй, это что, он сам рассказывал, каков герой?

– Нет, приятель, эти слухи циркулировали в среде черных, а они обычно не стремятся приукрашивать... Короче, дело приняло для альгарцев нехороший оборот: Рука пришлось бы или мочить – чего старейшинам все же делать не хотелось, ведь убийство детектива обострило бы противостояние с полицией, – или идти ему навстречу. Вдобавок ко всему, хоть преступление и пытались всеми силами замять, скрыть, слухи циркулировали по всему городу, и в воздухе пахло мощным общественным резонансом. А шумиха в прессе неминуемо привела бы к еще более серьезным разбирательствам... Короче говоря, старейшины дали задний ход: уже на следующий день, после того, как Рук отоварил «посланников», все участники преступления самолично явились в участок с повинной, рассчитывая на сотрудничество со следствием. Ты бы видел, какими бледными были эти уроды, как жалко выглядели, как молили о снисхождении, как тряслись их губы... Твари... Ничего, впаяли им по полной программе, половина зверьков уже получила свое в креслах смертников, вторая половина ожидает исполнения приговора...

## Глава четвертая

Я всегда за себя знал, что очень упрям. Не считал это качество положительным и не гордился своей упертостью – иногда она помогало мне, а иногда подводило. Самое же смешное, что порой я понимал, что упрямство принесет мне проблемы и что далеко не всегда я прав, стоя на своем – и в тоже время просто не мог поступить иначе, не мог пойти против собственной природы.

Вот и сегодня я весь день чувствовал в себе этакий внутренний зуд, твердое желание, практически необходимость поступить по-своему, не смотря на все прогнозируемые трудности... Эх, если бы сержант Рук оказался просто моральным уродом, окончательно разложившимся полицейским, утратившим профессиональную гордость – то есть продажным копом и придурком, коим он и показался мне в начале дня, то все было бы гораздо проще. Я смог бы ужиться с ним, выполнять простейшие команды типа «принеси, подай», что исполнял сегодня весь рабочий день- это было бы пусть и унинительно, но привычно и понятно. Просто еще один дегенерат на жизненном пути, один из многих... В душе я лишь презирал бы его, особенно не парясь о происходящим...

Однако Варрон оказался мужиком с военным прошлым и принципами, ради которых готов идти до конца. Да, циничный, гордый, нелюдимый – но способный на поступок. Работая с ним, невольно испытываешь уважение, и по той же причине хочешь добиться уважения к себе. А вот заслужить его как раз не просто, и уж точно не беготней за «принеси, подай».

Потому я решил все же попробовать узнать, что стало причиной убийства Ильзара Гуриды – нашего жмурика – и кто привел приговор в исполнение. А учитывая, что дело придется иметь с закрытой клановой общностью альгарцев, задачу я выбрал себе не из простых...

Тем не менее, «дорогу осилит идущий», и я решился сделать первый шаг уже этим вечером, отложив проставу до лучших времен. В данном же случае, учитывая специфику профессии, моей задачей стало обзаведение собственной агентурой – попросту говоря, стукачами. Начал я с клуба «Зажигайка», указанного парнями-криминалистами стрип-бара с собственным штатом проституток, крышуемым черными и являющимся одним из излюбленных мест их отдыха.

...Каждый шаг, приближающий меня к небольшому двухэтажному зданию, украшенному яркими неоновыми вывесками, изображающих голых девиц в пикантных позах, дается мне все труднее. Как же не хочется лезть сюда одному, частным лицом, в этот отвратительный для меня мир человеческих пороков и животной похоти... Был бы рядом надежный напарник, на которого можно положиться, кто прикроет в трудный момент – и на душе было бы значительно спокойнее. Я смог бы нацелиться лишь на результат и действовать с холодной головой без лишней скованности. А сейчас приходится ломать себя, словно переступая какой-то внутренний барьер.

...Нет, я не ханжа и не девственник, но в моем понимании все, что связано с физической близостью мужчины и женщины, должно быть лишь их личным делом. То есть красивый женский танец под музыку, когда девушка раздевается, призывно извиваясь – это красиво и сексуально, но в моем понимании это должно быть только между двумя людьми... А не на показ перед кучей похотливых скотов, глазами трахающих извивающихся у пилонов девиц. Правда, в «Зажигайке» нет «меню без тормозов», и заказавший приватный танец клиент все равно не сможет поймать танцовщицу-профессионалку, что, к слову, полностью соответствует требованиям законодательства о запрете проституции. Хотя, как я понял, на черных это правило не распространяется, но они пользуются стриптизерш бесплатно, на правах «хозяев»... Что же касается распалившихся и возбужденных посетителей, то последние имеют возможность «спустить пар» на проститутках, коих аккуратно «подсовывают» особо разошедшимся парням.

Да, эти сто шагов от парковки до входа дались мне нелегко – сердце бешено бьется, словно перед той самой схваткой с «крокодилом». И все же, сделав глубокий вдох, я делаю очередной шаг вперед, навстречу дежурящим у входа вышибалам угрожающего вида. Один из них, огромный, раскаченный альгарец с угрюмым взглядом карих, кажущихся черными в ночи глаз, остановил меня жестом и быстро, профессионально «прохлопал» на предмет наличия оружия. Не на того напал – меня заранее предупредили на счет правил посещения клуба, так что ничего даже близко похожего на оружие у меня при себе нет.

Утвердительный кивок вышибалы, не проронившего ни слова – и я переступаю порог заведения, оглушенный грохотом динамиков и блеском светомузыки. Глаза не сразу привыкают к полумраку, но уже в следующий миг сцена освещается, и под дружный рев собравшихся в зале мужиков на подиум выходит девушка.

Хм, на первый взгляд на ней уже и так не особо много одежды, чего ради-то запариваться с дальнейшим обнажением? Высокая, несколько крупноватая блондинка с шикарной, надо отметить, гривой светлых волос, ниспадающих до самой задницы. Короткая юбка с разрезами, голый живот, символическая кофта, еле сошедшаяся на сиськах пятого размера... Конечно эффектно, но не цепляет.

Да-да, не цепляет... Это я мог так думать прежде, чем девушка начала танец. Но при первом же ее движении меня будто током ударило – настолько гибким и пластичным оно было... А уже через несколько секунд я полностью разделил восторг орущих мужиков: с тугого зада эквilibристки – с идеальной растяжкой девушка! – спала юбка, обнажая крупные, но в то же время идеально подтянутые, идеально округлые, идеально гладкие ягодицы, полностью поглотившие тоненькую полосочку стрингов. Я тут же физически ощутил последствия смены циркуляции крови в организме, и быстрее поспешил к барной стойке, стараясь отвлечься от сцены. Тщетно – еще через несколько секунд кофта буквально лопнула на груди блондинки, обнажая до того заключенную в ней объемистую, налитую грудь, и я замер, не дойдя всего пару шагов до бармена. А красотка между тем прижалась к шесту так, словно это ее самый сладкий и страстный любовник, и совершенно точно стала имитировать бедрами движения, повторяемые в приступ сексуального экстаза...

В горле в единое мгновение пересохло, а сумасшедший крик мужиков сотряс зал, на сцену полетели десятки купюр. Красотка лишь одобрительно улыбнулась, после чего забила еще быстрее, причем лицо ее исказилось так, будто девушка действительно испытывает оргазм...

– Эй пацан, ты что, кончить решил?! Тут за это платят вообще-то!

Бармен, молодой придурок с козлиной бородкой паскудно расхохотался, тем самым приведя меня в чувство. В любой другой ситуации мой кулак уже нашел бы его челюсть, но здесь и сейчас я вынужден себя сдерживать.

– А у меня хватит денег и пожрать, и танцы посмотреть, и на кончить мне тоже хватит, только в подходящей компании... Пока я хочу жрать. Что там у тебя?

– Пожрать, – с более вежливой улыбкой ответил бармен, явно уловив мой намек на проститутку, – пожрать у нас стандартная мясная порция.

– Сколько?

– Две сотни.

– Seriously? Да я в любом другом...

– Слушай, друг! Если ты еще не понял, ты можешь пялиться на наших девочек совершенно бесплатно, но выпивка и жратва должна отбить нам содержание клуба. Так что ты или платишь, или проваливаешь, договорились?

– Договорились.

Скорбя в душе на счет траты той суммы денег, на которую в недалеком прошлом мог вполне нормально питаться целую неделю, я протянул бармену две сотни и уже через пару

минут получил порцию разогретого в микроволновке мяса, выложенного на половине объемной лепешки. Вторую половину заняла зелень и нарезанные помидоры, а еще мне дали небольшую миску с каким-то явно острым соусом.

– Эй, а приборы?!

– Ты чего, – бармен округлил глаза, – собрался есть шашлык вилок?! Да тебя отсюда вышвырнут, новичок! Нет, прояви уважения к нашей кухне, мясо здесь едят руками!

Мне осталось лишь подивиться варварским традициям альгарцев и занять единственное свободное место за столиком в самом конце зала. Впрочем, сцена отсюда так же отлично видна, так что эффектную концовку выступления аппетитной блондинки, уже удаляющуюся для частного танца с каким-то счастливым (отвалившимся, к слову, целую кучу бабок за удовольствие) я разглядел во всех подробностях. И пока наступила короткая пауза между выступлениями, с аппетитом набросился на еду.

– М-м-м...

Попробовав первый же кусок ароматного, сочного мяса, по-прежнему источающего дымный аромат, я понял, что заказ стоил своих денег; чуть пресноватая лепешка отлично дополнила вкус шашлыка. Макнув же следующий кусок в миску, я едва ли не испытал гастрономический оргазм от совершенства вкуса мяса, подчеркнутого острым, пряным соусом.

Блюдо было беспощадно истреблено всего за пару минут; между тем в гортани разгорелся настоящий пожар, и я вновь поспешил к барной стойке, внутренне удивляясь предприимчивости черных – ведь съев мясную порцию, не сможешь не выпить!

На сцену между тем вышла новая девушка, на этот раз гибкая, загорелая брюнетка с классической гитарообразной фигурой и длинными, стройными ногами. Ее кожа словно глянec, отражает свет софитов, и выглядит это очень сексуально...

Очередная танцовщица только начала танец, а мой организм среагировал так, словно девушка уже легла в мои объятия, обхватив корпус своими стройными ножками. С запозданием до меня дошло, что назначение соуса заключалось не сколько в разжигании жажды, сколько в провоцировании желания – видимо, в нем содержится какой-то сильно действующий афродезиак.

– Ну как, понравилось? – бармен улыбается на этот раз хитровато, но понимающе, с этакой чисто мужской расположенностью.

– Еще как. Особенно то, что вы добавили в соус толченую виагру, или что вы там добавляете? Да и плевать, я такого вкусного соуса и мяса никогда не ел! Слушай, мне бы горло промочить и реальный вариант, чтобы кончить. Приват брать не буду, – танцовщиц все равно не трахнешь. Не знаю, может к вам ходят лечить импотенцию, раз терпят столько танцев, но я уже просто не могу! Ты меня понял, братишка?!

– Конечно, братишка, – хотя бармен и приветлив, но в глазах его на мгновение промелькнул металл, – все возможно. Но ты же понимаешь, что если я сведу тебя с безотказной девушкой, придется раскошелиться?

– Сколько.

– Пять сотен.

– Да ты...?!

– Слушай, если хочешь, можешь проваливать и искать себе дешевых шлюх. А еще дешевле помочь себе самому, тут многие посетители так делают, в сортир для гостей зайти нельзя... Но если хочешь провести вечер в приятной обстановке с красивой, безотказной красоткой, плати.

– Кому платить-то?

На этот раз лукавые глаза альгарца блеснули искренним удовольствием:

– Мне и заплатишь!

...Бармен провел меня сквозь неприметную дверь с табличкой «для персонала» к лестнице на второй этаж. Поднявшись, мы прошли по недлинному узкому коридорчику, очень плохо освещенному. Справа и слева имеются еще несколько дверей; мой сопровождающий остановился у третьей справа.

– Ну, дружище, входи! У тебя полтора... Да ладно, ты мне понравился! У тебя целых два часа!

С этими словами весело скалящийся бармен хлопнул меня по плечу и тут же поспешил назад. Стиснув зубы, я сделал шаг вперед...

«Рабочее место» проститутки оказалось крохотной комнатухой, две трети пространства которой занимает полутораметровая кровать, а оставшееся пространство «съедает» маленький столик с двумя стульчиками и вешалка. Видимо, для гостей. Убого. Ситуацию вырубает мягкий бордовый свет, позволяющий лишь разглядеть девушку, да сама жрица любви.

Не очень высокая, стройная, даже несколько худощавая. Блондинка, хотя может и крашенная; волосы опускаются вниз чуть ниже плеч, и, похоже, сильно секутся на кончиках.

Когда я зашел, девушка лежала на животе, открывая взгляду белые, изящные ножки и маленькую, тугую попку привлекательной формы; узкие стринги лишь подчеркивают ее наготу. Совершенно прозрачная ночнушка задралась как раз выше уровня бедер.

При моем появлении девушка томно потянулась, встала на колени, развернувшись ко мне лицом; на губах ее заиграла вымученная, фальшивая улыбка, несколько испортившая общее впечатление. Но в следующую секунду накидка, расстегнутая легким, ненавязчивым движением, заструилась по ее телу вниз, оголяя не очень большую, но крепкую, красивой формы грудь и тугий гладкий животик.

Во рту вновь пересохло, а внизу живота разгорелся настоящий пожар; с великим трудом оторвавшись от созерцания женской наготы, я перевел взгляд на лицо девушки, надо сказать, совершенно обычное, заурядное лицо. В целом симпатичное, но не волнующее: тонковатые губы, чересчур длинный подбородок, белесые, не слишком красиво очерченные брови и буквально пустые, совершенно равнодушные серые глаза. Пожалуй, что смотря ей в глаза, вполне возможно забыть о собственной похоти – чем я и воспользовался, не отпуская взгляд.

– Эй, парень, ну чего ты ждешь? Или залюбовался?

Интонации хриплого, равнодушно-холодного голоса окончательно меня отрезвили; особенно же неприятно прозвучала шутка, больше похожая на издевку.

– Конечно, залюбовался, – как можно более мягко произнес я, стараясь добавить в голос побольше тепла, девушкам это нравится, – а позволь задать нескромный вопрос?

Девушка заметно напряглась:

– Ну?!

– Сколько ты зарабатываешь на клиенте из тех пяти сотен, отваленных за два часа?

– Пятьдесят. Слушай, если ты извращенец и мне придется дать тебе...

– погоди-погоди! – я поднял руку перед собой в останавливающем жесте, – я никакой не извращенец! Просто у меня есть вопрос, и, если ты сможешь найти на него ответ, я заплачу тебе еще две... да нет, даже две с половиной сотни.

Девушка внимательно посмотрела мне в глаза; в ее взгляде наконец-то появились какие-то чувства, условно обозначенные мной как интерес. Тем не менее, она не спешит отвечать – вместо этого проститутка набросила на себя накидку и уже не пытаясь занять соблазнительных поз, легла на бок.

– Все зависит от вопроса.

– Окей. Вчера ночью убили моего хорошего знакомого, Ильзара Гуриду, и я хотел бы знать, кто исполнитель.

Глаза девушки расширились от удивления, а после от злости:

– Ты что, придурок – коп?!

– Слушай, какая в конце концов...

– Пошел отсюда! Вон!!! Вали, пока я не позвала вышибал, они тебя...

– Эй-эй, успокойся! Мне была нужна информация, у тебя ее нет, я понял. Жаль конечно, ты могла бы немного заработать... Но давай так – я оставляю тебе полтинник, жду минут двадцать, чтобы не палиться, и ухожу. А ты забываешь наш разговор, лады?

– И не трахаешь меня?

– Даже в мыслях не было! Ну как, идет?

Проститутка сощурилась, обмозговала, после чего утвердительно кивнула и протянула руку:

– Идет.

– Ну вот и хорошо, вот и хорошо... Держи денежку.

С этими словами я протянул купюру, тут же исчезнувшую в ладони девушки.

– Знаешь, я уже понял, что ты не хочешь или не можешь говорить. Но если это как-то связано с твоим страхом перед черными, я ведь мог бы тебя защитить...

Проститутка лишь презрительно скривилась:

– Была у нас тут одна стукачка, Мэнди. Рискнула работать на копа, сливала ему инфу по наркоте; так вот, однажды легавые взяли двух важных курьеров, перевозивших килограмма четыре чистого сырья. Это был сильный удар по бизнесу альгарцев... Я слышала, копа повысили, а Мэнди... Мэнди пропала на следующий день. Кто-то даже предположил, что ее забрал детектив – пока куски тела девчонки, расфасованные по мусорным пакетам, не нашли на ближайшей свалке. Правда, внутри не было ни одного органа – черные, как смогли, отбили стоймость пропавшего товара.

– Я понял... Скажи, – я подобрался внутри, словно перед входом в ледяную воду, – а ты работаешь здесь... добровольно? Объясняю свой вопрос: я слышал про трафик женщин, про похищения девушек, в том числе черными. Я мог бы помочь.

Девушка вновь скривилась:

– Я тоже слышала о таких случаях. Но похищенные девушки не обслуживают клиентов рядом с домом, где в бордель в конце концов может забраться переодетый коп. Да и не таких, как я, похищают – по крайней мере, черные. Они любят сочных натуральных блондинок, с формами, а не худых селедок, как... ну ты понял. И продают их в гаремы в зоне «А», на своей гребаной родине.

– Я тебя услышал... Значит, ни помощь, ни деньги тебе не нужны, и ты ничего мне не скажешь... Жаль конечно, но... Пожалуй, мне пора.

– Пора.

Уже в дверях я остановился, разжигаемый неудачей и сожалением о спущенных без результата деньгах:

– Я не спросил, как тебя зовут. Меня Майком.

Девушка промолчала, и я уже было взялся за ручку, как услышал сзади глухое:

– Лили.

– Лили... Красиво имя. И ты, – я развернулся к кровати и возлежащей на ней жрице любви, – красивая девушка, Лили. Так скажи мне, зачем? Зачем это все?! Почему ты трудишься здесь, ради чего торгуешь телом? Легкие деньги? Неужели их так много? И неужели тебе так трудно просто работать, раз ты променяла возможность создать семью и стать мамой на ЭТО?! Лишилась даже возможности узнать, что такое настоящая любовь мужчины, и какова радость рождения своего ребенка?!

В равнодушных до того глазах женщины неожиданно отразилась боль. И косая ухмылка на ее губах стала уже не столь естественно презрительной...

– Решил достучаться до души, умник? Наставить «падшую женщину» на путь истины? А кто ты такой-то вообще есть, чтобы судить меня?! Кто ты такой, чтобы осуждать?! Уж небось

твой папка не мудохал твою мать так, чтобы она ссала кровью, и не ушел, когда тебе едва три годика исполнилось! И уж небось твоя пьющая мать не работала уборщицей в школе, где ты учишься! Тебе знакомо чувство стыда за собственных родителей?! Нет! Тебе знакомы их забота и любовь!!!

– Мой отец, – хоть я и стараюсь сдержаться, но голос дрогнул, – был полицейским и погиб при исполнении!

– Но он у тебя был! По крайней мере, у тебя осталась память о человеке, которым можно гордиться! Да что тебе говорить... Ты же хочешь получить от меня информацию по убийству, верно?! Так заработай ее!

Сердце учащенно забилось – кажется, я достучался до Лили:

– Я весь во внимание.

– Ну, так слушай: во-первых, ты выкупишь меня на всю ночь – это обойдется тебе в полторы тысячи. Во-вторых, купишь хорошего вина, фруктов и сыра – как в романах; зажжешь свечи и будешь слушать меня столько, сколько я буду говорить, лады? А потом, милый, чистый мальчик, ты поимеешь меня! Да-да, ты изваляешься в грязи, которую презираешь – я же по глазам вижу, что презираешь, чистоплюй! И сделаешь это так, будто не проститутку трахаешь, а занимаешь любовью со своей девушкой, нежно и ласково. И только после этого я решу, говорить тебе что-то, или нет, окей?

Всего несколько секунд я раздумывал, как поступить, но тут до меня дошло:

– И я автоматически стану проституткой, переспав с тобой за информацию, верно? Увы, твоя просьба невыполнима, таких денег у меня все равно с собой нет. Но я могу принести немного выпить, послушаю тебя, а дальше мы решим, как поступать. Так что, я в бар?

Лили горько усмехнулась:

– Не прокатило... Нет, в бар не надо, у меня есть немного своего. Правда, стакан всего один...Ничего, попьешь из горла.

С этими словами девушка повернулась к изголовью кровати и достала из-под спинки наполовину полную бутылку бренди, после чего налила себе сразу двойную порцию и залпом осушила. После чего протянула бутылку мне:

– Давай. Кстати, не против, если я закурю?

– Нет, конечно.

– Не все клиенты относятся с пониманием...

Я кивнул и приложился к горлышку. Через мгновение глотку и гортань словно жидким огнем опалило, до того крепкое пойло...

Лили села на край кровати, беспомощно, совсем по девичьи сведя колени и устало оперевшись на свободную руку:

– Ты хотел знать почему и зачем я здесь оказалась? Ну так что же, слушай.

Мое детство нельзя назвать беспросветно черным; отца я практически не помню, а сцены избиения матери отложились в голове лишь жутковатыми, но какими-то ненастоящими картинками. Вроде кошмарных снов, будто все происходило не с нами... Когда я подросла, я очень полюбила маму – а мне и любить-то было некого, кроме нее в семье никого нет: ни братьев с сестрами, ни любящих бабушек и дедушек. Как я поняла, мама сама родилась в неблагополучной семье, по малолетству повелась на образ плохиша в исполнение родителя, а родив от него, осознала, что плохиши и в семейной жизни остаются плохишами. И в семье это уже не круто; в семье это больно и страшно...

Лили на секунду прервалась, подлив себе бренди, но на этот раз сделал лишь совсем маленький глоток, после чего продолжила:

– Мама пила... По началу не так, чтобы уйти в беспросветные запои, но с каждым годом ее зависимость становилась все крепче...Случайные работы, на которых платили гроши, случайные мужики в постели – и в те дни она практически забывала, что я есть дома; меня никто

не кормил. Удавалось доесть лишь то, что оставалось после гулящих... И все равно я любила маму.

В голосе Лили слышалось настоящее чувство, и это меня тронуло.

– Нам не хватало на еду, не то, что на одежду. Я ходила в школу в изношенных шмотках из секонд-хенда, и, если в младших классах на это не обращали внимание, в старших меня понемногу начали травить. Ты Майк, вряд ли знаешь, что такое быть самым затравленным ребенком в школе, об которого практически ноги вытирают, которого гнобят за пьянчужку маму, да за дрянную одежду. Ты этого не знаешь... Недавние подружки отвернулись от меня, и чтобы выслужиться перед заводилками, травили жестче всех, высмеивали мои мечты о будущем, рассказывали мои секреты, в том числе какие парни мне нравились... А мальчики... Мальчики подхватили эстафету издевок; впрочем, большинству на меня было просто наплевать. Просто наплевать Майк – а ведь иногда подобное равнодушие ранит даже сильнее, чем нападки...

Снова секундная пауза и короткий глоток.

– Короче, было паршиво. А потом у всех появились классные телефоны, люди начали общаться через сеть, а я как нищенка, ничего не имела... Денег у матери не было, очередной ее запой затянулся на очень долго... И я решилась.

– В смысле? Стать проституткой?

– В какой-то степени. У нас рядом с заправкой подрабатывали несовершеннолетние девчонки; среди них были даже две мои одноклассницы, я точно знаю. Только минет за двадцатку, ничего более... Я так думала. Думала, десять раз отсосу, будет мне хороший телефон, и я хоть чем-то смогу сравняться с одноклассницами...

– Не лучший выбор.

– Явно не лучший... Но тогда в голове был сплошной раздрай, ела я где-то раз в два дня, а от обиды и вечного унижения хотелось наложить на себя руки. Короче, я пошла на панель в пятнадцать, наивно надеясь, что заработаю на телефон...

– И?

– И на четвертый раз меня сняли сразу трое взрослых, уже подвыпивших парней. Они предложили мне две сотни – как раз столько, сколько мне было нужно – чтобы я отсосала у всех троих по очереди, в их машине. Я уже пару раз брала в рот в личных автомобилях клиентов, и согласилась... А дальше...

Лили вновь приложила к стакану, и я продолжил за нее:

– Тебя изнасиловали.

– Изнасиловали... Слишком мягко. Эти скоты драли меня всю ночь во все щели, драли так, что я теряла сознание, а потом вновь приходила в себя, уже от боли... А потом вновь отключалась... Наутро они отпустили меня, дали две сотни, как и обещали... Но я даже не смогла дойти до дома... В следующий раз пришла в себя в больнице, меня еле откачали – внутреннее кровотечение, разрывы, переохлаждение... Короче, врачи «обрадовали» меня тем, что я уже никогда не смогу родить, а все заработанные деньги пошли на лечение.

В школу после этого я пришла лишь один раз. Никакого сострадания, жалости... Все дразнили меня шлюхой, хотя одноклассницы давно уже давали налево и направо, – но шлюхой была именно я. И с этим я уже не смогла справиться, в то время я была готова прыгнуть с многоэтажки...

– А мама?

– А что мама? Она тогда окончательно спилась, мое нахождение в больнице прошло мимо нее.

– А органы опеки?

Лили злобно усмехнулась:

– Знаешь, я многое повидала на своем веку. Например, как пьяницы сдают своих новорожденных детей в аренду нищенкам, а те накачивают их или наркотиками, или спиртным,

чтобы спали весь день, пока эти твари прикрываясь ими, клячат деньги... Младенчики умирают через год, полтора – а ювеналы ни разу даже не поинтересовались причиной смерти новорожденных в этих семьях. Зато, когда нормальные родители разок-другой воспитают непослушного ребенка ремнем, чтоб мозги вправить, так тут же поднимается вой: домашнее насилие, права детей... Меня вот некому было в детстве пороть, чтобы от тупых ошибок предостеречь, а зря... К нам никто из опеки не приходил.

– И что было дальше?

– Мне было так плохо, что я решила: хуже не станет. Так что дальше была первая доза, первое наркотическое забытье, закончившееся, как понимаешь, зависимостью и траханьем за дозу. Да, я ошиблась насчет «не станет хуже». Как я тогда ничего не подцепила, ума не приложу... Мало что помню из того периода – школа я бросила, мать спилась... А меня, обколотую, толпой драли за наркоту...

Однажды я очнулась трезвой, в сознании. Голая. Обконченная. Спереди и сзади саднит и жжет так, словно напильником имели. Меня стошнило. А после я выбежала из этого шалмана в слезах, дав себе слово, что слезу с иглы.

– И?

– Я попросила одного знакомого приковать меня наручниками к трубам, дома. Он помог. Когда началась ломка, думала сдохну – так гадко было... Лучше не вспоминать. Но я держалась – держалась мыслями за то, что сумею справиться с этим, что смогу начать жизнь с чистого листа.

– Так почему же теперь ты оказалась здесь?!

Лили горько усмехнулась:

– Школу я не закончила, как сам понимаешь. Просто собрала немногие вещи и уехала – мать тогда куда-то пропала на несколько дней, и, если честно, я не уверена, что она жива. Тогда мне было так тяжело, что я просто должна была обвинять кого-то помимо себя... Я чуть ли дважды не сдохла за полгода, а ее даже не было рядом... Короче, я обиделась и уехала, не попрощавшись с ней, не попытавшись найти. Теперь жалею...

Девушка горько вздохнула, после чего продолжила:

– А на новом месте вдруг выяснилось, что без законченного школьного образования я могу работать или официанткой, или уборщицей, или, в лучшем случае, барменшей. Ни страховки, ни нормальной зарплаты, ни жилья... Знаешь, как будто заехала в черный тоннель, еду по нему вот уже несколько миль, а света в конце все нет.

– И все-таки, почему бордель?

Девушка потупилась:

– Я крупно задолжала за жилье в северном районе, местные бандиты меня изнасиловали. Знаешь, если честно, я ведь уже ничего не чувствую... ну, ты понимаешь... Короче, поимели и поимели, не в первый раз. В баре платили копейки. Ну и... нарисовался тут один, предложил заработок. Какое никакое жилье, еда за счет заведения, десятую часть с заработка. Днем мое личное время, ночью надо отрабатывать – отрабатывать так, чтобы клиентам нравилось... Ну, таких чистоплюев, как ты, мало, обычно разгоряченные стриптизершами мужики, особенно если они поедят мясо с соусом, готовы трахать даже резиновую куклу. А я, думается, все же способна составить ей конкуренцию!

Лили невесело усмехнулась, а я решил осторожно спросить:

– Кстати, а что они туда добавляют?

Девушка смерила меня насмешливым взглядом:

– И как ты держишься? Да ладно, не парься. Никакой химии, альгарцы пучками привозят с родины какую-то приправу, стимулирующую желание.

Я криво улыбнулся:

– Понятно... Выходит, они победили?

– В смысле? – Лили напряглась.

– Ну, те, кто травил и унижал тебя в школе – кто обзывал неудачницей и шлюхой. В итоге они оказались правы? Где ты сейчас?

Злобная гримаса на мгновение исказила черты лица собеседницы, но оно тут же разгладилось:

– Нет. Они не победят!

– Но каков выход?

– Ты же понял, мне не хватало денег, не было документов об окончании школы. Я все посчитала, мне нужно поработать еще полгода, чтобы купить не подделку, а настоящий, оригинальный аттестат с внесением его в единую базу данных. Он стоит дорого, но это мой счастливый билет. Плюс нужно подсобрать хотя бы пару тысяч на первое время...

– А стоимость аттестата?

– Десятка. Но документы железные.

Я удивленно присвистнул:

– Неплохо... А сколько ты зарабатываешь за ночь?

– Если честно, клиенты бывают у меня даже не каждый раз. Сотню в лучшем случае.

– М-да... И сколько тебе не хватает на данный момент?

– Полторы тысячи. Что, все же хочешь купить информацию? Знаешь, я готова еще раз подумать над твоим предложением, если ты заплатишь мне столько. Подумай, ковбой, всего лишь полторы тысячи, и у тебя имя убийцы...

– Интересно, а что заставило тебя передумать?

Лили захохотала:

– Знаешь, почему я решила с тобой разговаривать? Почему не послала, посчитав провокацией черных – они ведь иногда подсовывают девочкам ряженных, вроде бы легавых. Проверяют, кто готов сотрудничать с копами...

– И почему же?

– Потому что, Майки, все местные, в том числе копы, знают, кто в клане змеи наказывает отступников. Его зовут Вальзар Гази. У него свой клуб единоборств на пересечении пятой и седьмой авеню, он там молодежь тренирует. Но все это вывеска – по факту, Вальзар ответствен за подготовку боевиков клана. Говорят, мастер работы с ножом, да и борец очень сильный. Все это знают, Майки... А значит, ты новичок, не знакомый с местными порядками. Вот я тебе и ответила. Но Майк – это не значит, что я буду твоим стукачом, ты уж извини.

– Неплохо, – я улыбнулся, ругая себя мысленно, что не догадался подробнее расспросить криминалистов, – ну что же... Выходит, я получил необходимую информацию... А за стукача – понимаю. Вот, еще двести, как и обещал.

– Необязательно.

– Необязательно, но так ты хотя бы на пару ночей меньше проведешь здесь. И Лили: были бы у меня сейчас свободные полторы штуки, я бы помог. Честно.

– Спасибо Майк... – девушка неуверенно, словно стесняясь, подошла ко мне и взяла деньги. Ее пальцы на секунду коснулись моей руки – и меня будто обожгло; особенно же я удивился тому, насколько нежна ее кожа и насколько теплым, мягким было прикосновение Лили.

– Ну, удачи тебе. Надеюсь, что через пару месяцев ты сумеешь начать жизнь с чистого листа, действительно с чистого.

– Майк... – в глазах Лили вновь отчего-то отразилась боль, – ответь честно: если бы я не была проституткой, а мы встретились с тобой, скажем, в том же кафе – у нас могло бы что-то получиться?

– Конечно.

Я ответил честно, подумав, что действительно мог бы подойти к миловидной девушке. Между тем Лили подалась вперед, привстала на цыпочки и очень нежно коснулась губами моей щеки:

– Спасибо тебе. Ты хороший.

Последние слова девушка произнесла словно чужим голосом – в нем прорезалась вдруг девичья чистота; от ее простой, но искренней благодарности сердце вдруг защемило:

– Лили, я не могу дать тебе больше денег и более не приду сюда за информацией... Но я могу помочь тебе с мамой. Если ты назовешь ее полное имя, дату рождения и место прежнего жительства, я, в теории, сумею ее найти.

Глаза девушки тут же загорелись:

– Майк, если ты сумеешь... Я буду очень благодарна!

– Окей! Тогда пиши данные, и, если сможешь, подходи завтра в обед в бургерную на двенадцатой аллее.

## Глава пятая

...Вой альгарцев, начавших стремительный спуск, привел меня в чувство. Рольфу и Винсу уже не помочь, но, если черные сумеют взять нас в ножи, уцелевшие еще позавидуют заживо сгоревшим парням.

С этими мыслями я поднял автомат и вновь изготовился к стрельбе. Зря: рядом с головой в валун тут же ударила пуля; рефлекторно ныряю вниз, а внутри все холодеет от страха.

Снайпер. Выстрел был одиночным и лег всего в паре сантиметров от виска. Похоже, неопытный – поспешил при моем появлении, рука дрогнула. Но сам факт его присутствия на стороне врага уже наводит на грустные мысли, а уж то, что он выцеливает именно меня...

Ругнувшись сквозь сжатые зубы, перекатом ухожу под защиту соседнего валуна. Он раза в полтора ниже, и вряд ли столь надежно прикроет, но дым от разгорающегося БТРа уже застилает меня сверху.

– Парни, осторожнее! У «духов» снайпер!

Мой крик потонул в какофонии беспорядочных, длинных очередей новичков и отборного мата старослужащих, пытающихся вразумить необстрелянную молодежь. Решив больше не драть глотку, чуть приподнимаюсь, и, уложив ствол автомата на камень, ловлю в прицел альгарцев, спускающихся короткими перебежками. Навскидку определив упреждение в полторы фигуры, задерживаю дыхание – и на выдохе жму на спуск.

Короткая очередь в три патрона срезает выскочившего духа – в этот раз я отчетливо разглядел цель и момент попадания.

С почином...

Тут же скрываюсь за валуном, ухожу влево. Камни вибрируют от десятков попаданий, но, если они и приняли на себя выстрел снайпера, то его удар потонул в очередях духов. А между тем, жар от разгорающейся машины уже начинает припекать...

Сам дивясь своей смелости, одним рывком перебегаю вперед, под укрытие очередного валуна. Не сказать, что плохая позиция, пожалуй, здесь попасть по мне будет даже сложнее – но теперь я стал ближе к атакующему противнику. От духов нас отделяет уже всего сотня метров...

– Получите, твари!

Приподнявшись, двумя короткими очередями прижимаю вырвавшихся вперед альгарцев – но ответный огонь тут же вынуждает меня залечь. Высовываюсь справа, распластавшись на земле – короткая очередь, на этот раз точная, сбивает еще одного духа. Последняя пуля сверкнула трассером – прижимаюсь спиной к камню и дрожащими руками меняю магазин. Военская премудрость, коей обучают еще в учебке – первыми заряжаются два-три трассирующих патрона; по их вспышкам вовремя определяется момент критического расхода боеприпасов.

А песня наша, по всему видать, спета... Единственный танк, следующий впереди колонны с тралом, подорвался на двойном фугасе<sup>31</sup>, три БТРа и БМП сопровождения горят. Взвод выбит как минимум наполовину, а то и на две трети – из трех ручных «рогов»<sup>32</sup> с нашей стороны я слышу только один. Командирская машина, на которой следовал взводный, снайпер, пуле-

---

<sup>31</sup> Двойной фугас – определенным образом заложенная взрывчатка, рассчитанная на подрыв тралящей техники. Первая половина, состоящая из противотанковой мины, динамита, горючки, закладывается глубоко под землю и не срабатывает, даже если по фугасу проходит тяжелая техника. Зато вторая часть выносится вперед и закладывается на поверхности; трал задевает ее и подрывает – а детонация второй части вызывает подрыв и первой, основной, что приходится как раз на расположенную над ней технику.

<sup>32</sup> «Рог» – легкий ручной пулемет, принятый на вооружение континентальной армией. По сути, отличается от автомата первой серии «Н-11» лишь длиной ствола, наличием сошек и удлиненным магазином на сорок пять патронов.

метчик с единой «косой»<sup>33</sup>, авиа-корректировщик, полыхает и вовсе как гигантский костер – видать духи приложили ее первой, определив в единственном БМП приоритет цели. По сравнению с ней наш БТР еще легко отделался, разгоревшись только сейчас – в момент попадания кумулятивной гранаты бортовая дверь была уже открыта, и часть избыточного давления вместе с чудовищным жаром ушли сквозь нее...

Экипажи грузовиков, незащищенные броней, попали под раздачу в первые же мгновения боя, и, хотя бойцы сопровождения набираются только из бывалых «стариков», половину их также можно смело списать... Как итог, нас осталось едва ли человек двадцать, а на деле и того меньше. Между тем, силы засады духов я оцениваю примерно в сотню голов. Да, у страха глаза велики, обычно число нападавших в подобной ситуации завышается в разы, но вряд ли такую плотность огня смог организовать десяток альгарцев. Одних только бросившихся в атаку духов никак не меньше тридцати человек, а значит...

А значит, это конец. Твою же дивизию, как страшно... Как страшно умирать в свои двадцать лет, когда кажется, что вся жизнь впереди...

Вслед за руками крупная дрожь начинает сотрясать все тело, глаза застилает белесая пелена... Мама, мамочка... Почему же я здесь, заberi...

– А-а-а-а!!!

Вырвавшийся из груди крик переходит в плач, я уже жалею не себя, а родных – ведь мама и сестра с месячным племянником, по сути, осиротеют, когда я погибну. Отца давно уже нет, непутевая младшенькая ухитрилась нагулять малыша где-то на стороне, но наотрез отказалась от аборта, и теперь безвылазно сидит с ним и мамой дома, ухаживая за обоими.

Прогрессирующая болезнь матери требует дорогостоящих лекарств, медицинская страховка их не покрывает – и единственным источником дохода, помимо смешных пособий обеих женщин, является мое жалование. Даже рядовые в зоне «А» за счет боевых зарабатывают приличные суммы. Вот только теперь моим останется лишь в пять раз меньшая пенсия – да и то, если мое тело сумеют найти и опознать...

«Не сегодня!»

Изнутри словно опалило огнем, огнем ярости и злобы. «Не сегодня» – эти слова произнес не я – они раздались в голове без моей воли. Но именно они вдохнули силу в ослабевшее тело, готовность драться до последнего!

...В этот раз пробуждение сержанта Рука было уже не столь стремительным и внезапным. Он помнил, что спал, и какой-то частью себя даже во сне понимал, что все происходящее не переживается в настоящем – это всего лишь эпизод из прошлого, навечно врезавшийся в подсознание.

В этот раз Варрон позволил себе немного полежать в кровати, вспоминая тот бой. Да, было жарко, если бы не сержант... Эх, сколько лет уже не связывался с ним, сколько лет в полиции – а ведь всего лишь один поисковый запрос открыл бы Варрону правду... Тогда Дик вытащил не только его задницу, он спас всех уцелевших – и как, отблагодарили ли его люди, воздали ли Дику по заслугам за спасение собственных жизни?

«Нет, сегодня я точно найду его. Хоть бы был жив...» – с этими мыслями детектив встал и начал неспешно облачаться. Кофе сегодня почему-то не хотелось.

...Лиз на рабочем месте не оказалось. Варрон невольно заволновался, но Хэнк успокоил сержанта, объяснив, что племянница заранее отпросилась. Немного подумав, детектив выпил лишь сок, после чего попросил упаковать салат и бургер в бумажный пакет.

«Поем на работе».

---

<sup>33</sup> «Коса» – единый, то есть используемый и в станковом, и ручном варианте пулемет, состоящий также на вооружение бронетехники континентальных войск, в качестве спаренного с более крупными калибрами. «Косой» прозван за высокую скорострельность в тысячу двести выстрелов в минуту; во время ведения огня бешено рычит, буквально выкашивая ряды пехоты противника. В комплекте штатного станка пулемета имеется оптический прицел.

Словно подталкиваемый чем-то зудящим изнутри, Варрон решил как можно скорее добраться до участка – ему не терпелось сделать запрос по отставному сержанту мотопехоты, Дикю Ларсу. Забытому другу... Офицер сам не мог ответить себе на вопрос, почему вдруг стало столь важным узнать о судьбе отделенного именно сейчас. Может, в Руке заговорила совесть, неожиданно проснувшийся стыд перед боевым товарищем – или чувство вины перед оставшимся в прошлом другом? Он ведь одинокий инвалид – родители по всем срокам должны уже были преставиться, жена ушла от Дика сразу после его возвращения из госпиталя. Не смогла жить с обожженным, обезображенным мужчиной, кто так мало напоминал ей когда-то искренне любимого человека... Детей у них не было.

Зараза... Ком подступил к горлу Варрона – из всех сослуживцев он был самым близким Дикю, и именно он не имел права бросить товарища на старости лет. Разве это сложно – перевести раз в два месяца сотен пять, может штуку на счет ветерана, да разок в недельку позвонить? Навестить в отпуске хотя бы на пару-тройку дней? Разве это столь высокая цена за спасенную жизнь? Тем более, если речь идет об одиоком инвалиде?!

Варрону стало как никогда стыдно; выругавшись, он утопил педаль газа в пол и пролетел оставшееся расстояние до участка всего за пару минут – благо, пустая дорога позволяла.

Быстро кивнув дежурному, сержант едва ли не бегом ворвался в зал детективов... и с удивлением воззрился на новичка, с потеряннным видом таращащегося в монитор компьютера. Его, сержанта Варрона Рука, компьютера.

– Эй, новичок, а кто разрешил тебе копаться на моем рабочем месте?!

– А у меня разве есть мое рабочее место?

В голосе парня – как его... Марка? Марроу? А, Майка! – прозвучал вызов. И это понравилось сержанту. Правда, признаваться в этом он не собирался:

– Молодец! Сегодня озадачим айтишников – а пока свали!

– Да пожалуйста...

Парень тяжело встал – н-да, судя по его глазам, новичок не спал всю ночь. Впрочем, это его же проблемы – в свое время Варрона никто не спрашивал, выспался он, или нет...

Сев за компьютер, детектив с удивлением обнаружил, что открыта нужная ему программа поиска; слева на мониторе, в самом углу досье открыта старая фотография миловидной женщины, чью привлекательность портит застывшее на лице равнодушие и мутные, словно с пере-сыпа или пьянки глаза. Бросив невольный взгляд на текст запрошенной информации, сержант прочитал:

«...Мэри Райс. Смерть наступила в связи с переохлаждением. Сопутствующим фактором являлось алкогольное опьянение уровня J – высокой тяжести...»

Бросив короткий взгляд на новичка, Варрон решил, что сегодня не будет его третировать, мало ли кем приходилась ему эта Мери Райс...

– Вальзар Гази.

– Что? – Рук сосредоточился на поисковом запросе и не расслышал слов новичка.

– Вальзар Гази – убийца черного, чье убийство мы расследуем.

Варрон бросил на Майка еще один быстрый взгляд, закончил печатать запрос и нажал на кнопку поиска:

– Тебе криминалисты рассказали?

– Нет. Узнал сам.

Новичок не врет – это Рук понял сразу.

– Что же... Молодец, ты узнал имя убийцы. И я его знаю. И все копы здесь знают, кто отвечает за казни отступников в клане змеи. Но что дальше? У тебя есть серьезные улики? Свидетели, кто опознает его в суде и рискнет дать показания?

– Нет. И я знаю, почему это дело перейдет в статус нераскрытого.

– Знает он... Ну, раз знаешь и принимаешь, тогда, может, и приживешься.

С этими словами Варрон повернулся к экрану и удивленно выругался: полицейских поисковый запрос не нашел никаких данных о Дике. Сержант закрыл вкладку, вновь вбил запрос, тщательно проверяя каждую букву в звании, имени и фамилии, и повторил запрос. Пусто.

Задумавшись, детектив вновь закрыл вкладку, вбил запрос без звания, указав лишь возрастное ограничение – на этот раз выпало порядка тридцати мужчин с именем Дик Ларс. Но проверив за пять минут все результаты, Варрон устало откинулся на спинку стула – сослуживца среди них не было.

– Лажа какая-то...

– Эй, Варрон!

– Чего тебе, Лукас?

В зал вошел дежурный диспетчер:

– Патрульные обнаружили неподалеку труп. Сейчас вы единственные детективы в участке, так что...

– Так что ты решил напрямч нас еще до начала рабочего дня. Да ладно, Лук, расслабься – Варрон пожалел еще молодого парня, однажды попавшего ему по горячую руку, – мы съездим. Верно, Майк?

Новичок утвердительно кивнул, и кажется – не без радости.

– Кто жмурик?

Лукас потупился:

– Да девчонка молодая. Вроде в «Зажигайке» работала... В документах, найденным на теле убитой, указано имя Лили Райс. Ножевое...

– Что?!

Лицо новичка окаменело, руки сжались в кулаки, а в глазах загорелся дикий, яростный огонь. Варрон умел быстро думать, недаром столько проработал детективом, и быстро прокачал ситуацию:

– Кто она, Майк?

Молодой ответил не сразу:

– Девушка из стрипклуба. Работала там проституткой... Это она назвала имя Вальзара Гази...

– Зараза!!! Стоп Майк. Наверняка это совпадение. Черные не убили бы девушку только за то, что она назвала итак известное всем имя.

– Но они могли наказать человека, потенциально готового стать стукачом.

– А ты с кем-то делился, что именно она дала информацию?

– Нет.

– Она производила впечатление дуры, треплющейся на каждом шагу о своем решении стать стукачкой?

– Она отказалась ей быть, а имя назвала только потому, что оно итак всем известно. И нет, дурой она мне не показалась.

– Тогда это не альгарцы. Слишком все быстро, кроме того, они бы не бросили тело на месте убийства. Лук, я ведь правильно понял, что тело найдено на месте преступления?

– Да, Рук, все верно. Парни, да я вообще не понимаю, ради чего весь сыр-бор? Девка наверняка нарвалась на какого-то ушлепка, видать приставал, платить не стал, она сопротивляться... А он был или под кайфом, или сильно пьян, вот и порезал сдуру. Это ж проститутка, наверняка кто-то из бывших клиентов. Так ведь шлюх как собак, одной больше, одной...

Лукас оборвал фразу, увидев глаза Майка:

– Она. Была. Человеком. Человеком, офицер...

Вроде бы нейтральная фраза, но произнесена таким голосом, будто новичок готов наброситься на диспетчера – впрочем, так оно и есть:

– Так, Майк, остынь. Не стоит смешивать личное с работой – это я тебе как наставник говорю. Вот что, на вызов я поеду один, а ты поможешь мне здесь. Окей?

– А если это Вальзар? Что тогда? Очередной висяк?

Прямо взглянув в глаза напарника, – да, внутренне Варрон уже признал Тодоровски напарником, – он ответил:

– Если это Гази, я не буду ничего от тебя скрывать. В любом случае, будем работать. А сейчас ты нужен мне здесь. Нужно найти одного человека, для меня это очень важно. Вот только с поиском почему-то не задалось, может, получится у тебя? Ваше поколение с техникой на ты, не то, что мы... Поможешь, Майк?

Тодоровски как-то разом осел, ссутулился:

– Конечно. Напиши мне данные, и я пробью по базе...

...То, что девушку порезал не случайный выпивоха и не бывший клиент под кайфом, Варрон понял сразу, как только взглянул на беспомощно распластавшееся в переулке тело: всего лишь одна рана, ровно под левой грудью. Ни лицо, ни руки, ни живот не пострадали, юбка аккуратно прикрывает бедра; в момент, когда сержант подошел, Ник как раз ее чуть-чуть приподнял – розовые трусики оказались на месте.

– Привет парни. Два дня, два вызова, перебор...

– Бывает, – Сэм ответил с грустной, какой-то виноватой улыбкой, – вам не позавидуешь.

– Чего так, Сэмми?

– Думай сам, Варрон: ни следов борьбы – на теле ни одного синяка и под ногтями ничего нет, – ни попытки изнасилования. Если обратил внимание – удар всего один, удар точный и смертельный, клинок прошел ровно между ребер. Это профессионал. Больше скажу после вскрытия, но основное я выдал уже сейчас.

– Это похоже на черных? Допустим, на Гази?

Сэм удивленно поднял брови:

– Может быть... Но обычно он работает в живот, наносит несколько ран... Не знаю... Выучки и практики наверняка хватило бы, но непохоже на его работу.

– Вот и я так думаю...

Неожиданно в кармане куртки зазвонил телефон. Отвернувшись от тела, Варрон достал мобильный и с удивлением нажал на кнопку приема вызова – это была диспетчерская участка:

– Детектив Рук.

– Варрон, это Лукас! Слушай, мы тут разменялись со сменой, и я уже вышел из участка. Поднимаюсь на парковку – а там этот бешеный, твой новичок, садиться в такси. Если я не ошибаюсь, он сказал таксисту что-то про зал единоборств на пятой. Короче, я подумал, что тебе нужно это знать.

– Зараза!!! Лук, спасибо за вызов!

Отключившись, Варрон грязно выругался и поспешил к пикапу.

## Глава шестая

Такси подвезло меня к старому одноэтажному зданию, обшитому сайдингом и украшенному скромной вывеской: «ММА зал Гази». Что же, я по адресу.

Дверь не заперта, и в отличие от «Зажигайки», на входе нет никаких вышибал. Что ж, местные обитатели очень в себе уверены.

Ну-ну.

Внутри помещение делится на две части – по левую руку стоят силовые тренажеры, по правую в ряд у стены висят боксерские мешки. Напротив них, в центре стоит клетка-октагон, внутри которой находятся трое мужчин. Двое молодых парней, даже моложе меня и третий – не очень высокий, но коренастый, мускулистый альгарец средних лет, с лысой головой и черной, как смоль, бородой. В момент, когда я вошел в зал, он обозначил на одном из парней двоечку, а потом, стремительно присаживаясь, вышел на проход в ноги; второй парень внимательно следил за действиями наставника. Но при моем появлении все трое развернулись к двери, при этом молодые не смогли скрыть своего удивления.

– Ты кто такой?!

Фактурный альгарец выдвинулся вперед; от голоса, озвучившего вопрос, по спине побежали мурашки. Но на мгновение вспомнив лицо Лили в момент расставания, я отбросил зародившуюся было неуверенность:

– Мне нужен Вальзар Гази.

– Зачем? – коренастый ответил с надменной, хозяйской усмешкой, передав ее и интонацией.

– Разговор к нему.

Отвечаю спокойно, с некоторой ленцой, всем видом показывая, что не повелся на внешнюю демонстрацию.

– И кто спрашивает?

В этот раз черный говорит без насмешки, но с угрозой. Веско бросаю в ответ:

– Я.

Альгарец взялся руками за сетку, чуть подался назад:

– А кто это «я»? Тебя не знаю... Ну, раз есть разговор, поднимайся, – приглашающий жест.

По спине вновь пробегает волна мурашек, но внутри уже разгорается костер ярости, тлевший все это время:

– Разговор на двоих.

– А у меня от родни секретов нет!

– Лучше бы были.

Мое внешнее спокойствие явно напрягает черного; взвесив все за и против, он махнул молодым в сторону раздевалки:

– Подождите там.

– Дядя...

– Без вопросов!

Рывкнул Гази так, что я едва не подпрыгнул; но тут же осознаю, что черный ярится не просто так, что я сумел вывести его из душевного равновесия. А это уже плюс в мою копилку.

Перед входом в клетку я снял кросы, а войдя, скинул куртку, оставшись в одной футболке и джинсах. Молодые альгарцы, между тем, успели выйти из зала.

– Ты что, подрастья пришел?

Голос Вальзара полон искренней насмешки, но она вновь тонет в моем взгляде.

– Лили.

– Что? – горец неплохо играет удивление.

– Лили Райс, проститутка из «Зажигайки». Ну, скажи, что не помнишь ее?

– Слушай, ты кретин?! – лицо Гази исказилось от неподдельного гнева, он схватил меня за левое плечо, намереваясь вытолкнуть, – пошел отсюда...

Я не сдержался: диагональный хук<sup>34</sup> правой воткнулся в челюсть альгарцу, подкинув его голову вверх и оборвав фразу. Начавшее «работать» тело тут же отозвалось внутренним лоу-киком левой, используя инерцию разгона; высеченная нога черного еще висела в воздухе, как мидл-кик<sup>35</sup> правой воткнулся ему под ребра, травмируя селезенку.

Гази «затанцевал»<sup>36</sup> назад, неуверенно перебирая ногами, и я прыгнул вперед, рассчитывая финишировать его кроссом правой. Но противник стремительно ушел вниз, нырнув под удар – и, прихваченный за колени, я полетел вниз. Классический проход в ноги как защита от атаки рук...

Удар об канвас на мгновение выбил дух, хоть я и сумел сгруппироваться, приземлившись на совмещенные лопатки. Разъяренный противник тут же рухнул мне на живот, занеся кулак с оскалившимся лицом, но я, взревев от боли – в этом уродце не менее девяносто килограмм! – сумел скинуть его, приподнявшись на мостик.

Оказавшись сверху, тут же попытался добить черного – но Гази с хищной ухмылкой принял правый боковой на подставленное колено, согнутой левой притянул меня за корпус, и сцепился обеими руками в свободное предплечье, вытягивая на себя. Уже через секунду он умело накиннул треугольник<sup>37</sup> на мою шею, одновременно обрушив град ударов на незащищенную голову.

Уже после двух тяжелых плюх у меня зазвенело в затылке и поплыло перед глазами, а узел ног альгарца все сильнее стягивается на шее... На мгновение сознание затопил жгучий, отчаянный ужас – я не только не воздам этой твари за Лили, но и сам стану его жертвой! И тут же изнутри поднялась волна жара, рожденная звериной, всепоглощающей яростью – нет, это я порву его!!!

В единоборствах укусы запрещены – но мы не на ринге: раскрыв челюсть, что есть мочи впиваюсь зубами в ляжку Гази, одновременно рванув голову вправо, пытаюсь разорвать плоть. Альгарец взвыл от боли и ослабил хватку – стараясь быть последовательным, бью локтем в пах, вкладывая в удар вес тела. Вальзар затих – видимо, перехватило дыхание – и полностью отпустил хват, рефлекторно потянувшись руками к низу живота.

Этого я и ждал: рывком освободившись, потянув на себя и развернув корпус противника, обрушиваю на голову Гази град тяжелых ударов. В каждый из них я вкладываю вес тела – и всю свою ярость, всю ненависть к убийце Лили...

Тяжелый удар ноги в челюсть сбрасывает меня с обмякшего тела Вальзара; я чудом не отключился, каким-то образом зацепившись за гаснущее сознание. Целый град «футбольных» плюх обрушился на корпус и голову; спасаясь от них, перекатами ухожу в сторону куртки. Попытался привстать на четвереньки – и следующий удар по ребрам откинул меня к самой сетке.

---

<sup>34</sup> Диагональный хук – удар, больше напоминающий апперкот, но наносится он не по прямой траектории снизу-вверх, а под углом сбоку. Имеет большую инерцию и силу при попадании, чем классический апперкот.

<sup>35</sup> Мидл-кик – круговой удар ногой, наносимый по среднему уровню (корпус). Технически выполняется также, как и лоу-кик.

<sup>36</sup> Затанцевал, танец (спортивный сленг) – термин, характеризующий хаотичные, раскоординированные движения человека, переживающего в стойке тяжелый нокдаун.

<sup>37</sup> Треугольник – атакующее действие в партере (борьбе на полу), выполняется из гарда (позиция, когда противник оказывается сверху спортсмена). Фактически, представляет собой удушающий ногами, завязывающих геометрический треугольник на шее оппонента. Правая в этом случае обвивает шею и вытянутую вперед руку противника, левая фиксирует ее голень под коленной чашечкой. Одновременное напряжение обеих ног пережимает артерию на шее и гортань, что приводит к потере сознания оппонента или его своевременную сдачу.

К куртке.

Сознание мутит от боли. Трясущимися руками нашариваю во внутреннем кармане рукоять «гарда», за долю секунды снимаю ствол с предохранителя и направляю его на ближнего альгарца. Патрон я дослал еще до того, как войти в зал...

– Майк, нет!!! Это не он!!!

...«Кажется, я успел» – это была первая мысль Варрона, когда он ворвался в зал Гази и закричал, отвлекая Тодоровски. Но ситуация остается весьма напряженной – новичок держит двух молодых альгарцев на мушке, не спуская при этом палец со спускового крючка. Учитывая же, что сейчас он разгорячен дракой и находится в состоянии аффекта, от напарника можно ждать чего угодно...

– Майк, не губи себе жизнь и службу, тебя же посадят! Опустит пистолет...

– Детектив, – голос новичка прерывается хрипом, – вы, кажется, забыли о восьмой поправке к положению о самообороне офицеров полиции. «Лицо, совершившее нападение на офицера полиции, находящегося на службе, получает красный приоритет опасности; при нападении офицер полиции имеет право открыть огонь на поражение из табельного оружия. К исключениям относят следующие категории граждан: а) беременных женщин, б) лиц, страдающих психологическими расстройствами...». Я положу их здесь, Варрон, и ничего мне не будет – я ведь на службе. А эти ушлепки, пусть они наверняка и придурки, но явно не относятся к «лицам, страдающим психологическими расстройствами». Или я не прав? А, детектив?!

– Майк, не пори чепуху. Этой убийство.

– Лили тоже убили.

– Но не Гази.

– Почему ты так в этом уверен?

– Ты же сам видел его работу – два, три ножевых в живот, чтобы наверняка. А Лили убили единственным ударом в сердце, клинок прошел точно между ребер. Не дури, парень, черным не за что было ее убивать, ты же сам должен это понимать! И подумай вот еще над чем: нажми ты сейчас на спуск – и тебя отстранят от расследования как минимум на пару месяцев. И, даже если установят факт нападения и признают твои действия верными, тебя переведут в другой участок, подальше от проблем квартала альгарцев. Убийца так и останется гулять на свободе, а ты грохнешь невинных в смерти девушки...

Майк пусть и нехотя, но опустил пистолет. Между тем, на канвасе кто-то застонал и Варрон расширенными от удивления глазами уставился за спины черных – туда, где с трудом оторвавшись от настила, попытался встать на четвереньки Вальзар Гази.

– Э-э-э, шакалы... Вы ответите! Кровью ответите!!!

– Сейчас ты кровью ответишь, тварь!

Майк вновь поднял оружие. Между тем, молодые альгарцы, осознав, что избитый ими парень оказался офицером полиции, вооруженным и готовым пустить табельный ствол в ход, подались назад, крепко сблестнув с лица. Но Варрон уже зашел в клетку, встав на линию огня Тодоровски.

– Эй, Гази, закрой свой поганый рот! По твоей территории ходит маньяк и мочит девок из вашего же клуба, а ты не в курсах! Так что сбавь обороты, иначе я буду вынужден арестовать тебя и твоих парней за нападение на офицера полиции! А уже в участке возьму образцы твоего ДНК и сравню их с образцами, найденными на теле Ильзара Гуриды!

– Какими образцами? – Вальзар заговорил с трудом, что не удивительно: его лицо превратилось в кровавую кашу с сечками и свернутым набок носом. Похоже, он даже лопнул на переносице. Варрон был вынужден признать, что новичок – лютый малый, совсем без тормозов...

– Образцы, взятые на теле убитого нашим криминалистом. Знаешь, что-то типа волосы из бороды, обнаруженного на его куртке. Или, скажем, частицы кожи под ногтями...

– Нет там никакой кожи!

– А ты в этом столь уверен? Хочешь проверить, уродец?! Или все же разойдемся миром?

Мгновение Гази размышлял – но у копов было уже два изготовленных к стрельбе ствола, и оба они были готовы пустить их в ход. А оружие черных спрятано в подсобке... Силой полицейских было не остановить – и альгарец попытался отступить, сохранив лицо:

– Так что, этот... решил, будто я грохнул девчонку?

– Она назвала твое имя этой ночью, а уже утром ее тело нашли с ножевыми ранами. Даже я в первую очередь подумал о тебе.

– Стукачей вербуешь? – Вальзар зло уставился на Майка единственным не заплывшим глазом; над правым нависла огромная гематома. – Не круто ли начал, легавый?!

– Следи за базаром.

– Варрон, ты подобрал себе достойную смену! Такой же отмороженный!!! Эй, шенок, слушай сюда: ты дрался грязно и первым напал! Сегодня я отступлю, но я запомнил! Не думай, что ты можешь безнаказанно прийти в зал Гази, напасть на меня, угрожать оружием моей семье – и уйти безнаказанным!

– А ты не думай, что можешь направо и налево мочить людей на моей земле!

– Что!? Это моя земля! – лицо черного исказилось от нешуточного гнева, превратившись в жуткий, сплошной оскал.

– Твоя земля у тебя в горах, тварь! Так вали отсюда!!!

– Это вы пришли на мою Родину...

Варрон положил ладонь на ствол Майка, опуская его вниз:

– Все, Гази, ты достал! Еще слово, и я пакую тебя по полной, плевать на последствия! Майк, остынь!!! Поговорим в участке!

Горец все же поступился; как только копы покинули октагон, оба молодых парня схватили Вальзара под мышки, помогая ему покинуть клетку. Тодоровски здорово постарался над ним, но и сам пострадал; теперь молодой парень шипел и корчился от боли на каждом шагу. Рук подставил плечо, помогая ему идти:

– Держи ствол под рукой; как только я сяду в машину, открою заднюю правую дверь. В нее вмонтирован чехол со штатной помпой<sup>38</sup>, «рейтел». Знаком?

– Конечно. Двенадцатый калибр<sup>39</sup>, четыре заряда, жует любой патрон. Безотказная, но с сильной отдачей... Я выбивал пятерку на стрельбах.

– Вот и отлично. Парни с юга, горячие – и вдогонку могут выйти с автоматами; тогда придется немного пострелять.

– Заряжено?

– Картечью<sup>40</sup>.

Майк коротко кивнул.

---

<sup>38</sup> Помпа (сленг) – общее название гладкоствольных ружей, чья перезарядка осуществляется за счет скользящего движения вперед-назад расположенного внизу цевья-помпы. Стандартная емкость ствола составляет четыре патрона. Допускается дослать один патрон в ствол и еще один дозарядить, увеличив, таким образом, емкость до пяти, но подобный трюк выполняется непосредственно в боевой ситуации.

<sup>39</sup> Двенадцатый калибр – в переводе на миллиметры равен восемнадцати и шести десятым; это диаметр выпущенной из ствола пули.

<sup>40</sup> Боеприпасы к гладкоствольным ружьям делятся на пули, дробь и картечь. По сути, крупная дробь, более пяти с половиной миллиметров, классифицируется как картечь; для «рейтелов» диаметр картечин составляет восемь с половиной миллиметров. История использования полицией изначально охотничьего оружия такова: во время «Великой войны» – крупнейшего вооруженного конфликта, развернувшегося в начале прошлого столетия на первом материке, гладкоствольные ружья (чаще обрезы двустволок), заряженные картечью, продемонстрировали в окопных схватках едва ли не высшую эффективность, чем первые пистолеты-пулеметы. Это вызвало естественный интерес военных, а затем и полиции. В последствие было установлено, что на дистанциях боя в городских условиях (едва ли превышающих пятьдесят-шестьдесят метров) гладкоствольные ружья отвечают всем необходимым требованиям, что и обусловило их принятие на вооружение полиции.

...Но, не смотря на опасения Варрона, никто не поспешил за ними в погоню, и оба детектива спокойно покинули черный квартал – без стрельбы и лишнего шума.

## Глава седьмая

– Надо поговорить.

– Я весь во внимание, наставник.

– Майк, твою же ж... Я не с того начал. Да, в этом моя вина: я не с того начал. Давай забудем, что вчера я вел себя как урод; тут неподалеку есть неплохое местечко, закусочная «у Хенка». Перекусим и пообщаемся в неформальной обстановке, как стоило сделать еще вчера, верно?

– Было бы неплохо, Варрон.

– Вот и отлично... Кстати, угощаешь ты. Новички проставляются. Разве не так?

– М-м-м... Я половину подъемных потратил на ящик бурбона для этой самой проставы, еще четверть спустил вчера в «Зажигайке», а за квартиру пока даже не платил. Извини, но если я буду угощать, то мы сможем позволить себе разве что лапшу быстрого приготовления. Одну порцию.

– Ящик бурбона? – лицо Варрона разгладилось, и приняло удивленно-восхищенное выражение, – да ты не промах, парень! Что же вчера молчал?!

– Да как-то к месту не пришлось...

– Так, я все понял. Порешаем.

Припарковав пикап на стоянке у закусочной, Рук открыл дверь и приглашающим жестом позвал Тодоровски.

– Эй, Хэнк! Нам два пива... безалкогольных, все-таки на службе. И два свиных стейка, средней прожарки! Запишешь на меня.

– Принял, Вар!

– Вот и отличненько... Эй, Майк, смотри, вон стол у стены в правом углу, в выемке. Там мы спокойно посидим и поговорим.

Напарники еще не успели сесть, как Хэнк принес пиво. Поблагодарив старого знакомого кивком, Варрон открыл запотевшую, только из холодильника бутылку, и с удовольствием сделал первый глоток:

– Ох, хорошо... Ну что Майк, это и был твой план: спровоцировать Гази на драку и завалить его, типа ты при исполнении и все такое. Верно?

– Как я понял, это был единственный способ его достать.

– Нет, Майк. Единственный способ достать кого-то из боевиков черных, это подловить его одного где-нибудь в темном углу, и всадить в солнышко с ладонь доброй стали. Причем сделать это так, чтобы тебя не заметили, а если бы и заметили, не смогли узнать. И никогда никому об этом не говорить, ибо то, что знают двое, знают все. А что знают все, рано или поздно дойдет до крыс, прикормленных альгарцами... И тогда конец. Завалят не только тебя, но и твоих родных – черные мастера на подобные фокусы, любят помучить близких на глазах у жертвы... Сегодня ты крепко подставился Майк, и втянул в это меня. У нас очень большие проблемы благодаря твоей несдержанности и твоего ко мне недоверия. И сейчас я разговариваю с тобой спокойно лишь только потому, что понимаю и принимаю свою вину в сложившейся ситуации.

– Да что они сделают?! Я же офицер полиции; как я понял, смерть копа может изменить баланс сил, обострить конфликт. Альгарцам это не выгодно.

– Баланс сил уже изменен – это сделал ты сам, измордовав одного из самых авторитетных парней клана змеи. Теперь он должен смыть свой позор кровью – твоей кровью, иначе в клане его сожрут. Можешь понимать это как дело чести, как вендетту островитян – вот только последние больше пустомелят, чем делают, альгары же за базар отвечают...

– И что делать? – кажется, новичка пробрало.

– Ну, во-первых, не выезжать в квартал черных без бронежилета под рубахой; я не шучу. Во-вторых, сегодня же получить штатный «рейтел» и полсотни патронов к нему. Два из трех картечью. В-третьих, также сегодня переедешь ко мне. У меня стальная дверь с надежным, двойным замком и дополнительным засовом, третий этаж... И две комнаты, одна из них пустует. Денег я с тебя не возьму, нам теперь стоит держаться вместе.

– Неплохо, Варрон, не ожидал, спасибо тебе... – лицо Майка разгладилось, но тут же потускнело, – но что дальше? Так и будем ждать нападения, сидя в осаде?

– Нет, я сегодня же передам Вальзару предложение все решить в честной драке. Для него это будет один из самых оптимальных выходов из ситуации. Гази или порвет тебя на глазах у своих, и тем самым в буквальном смысле смоем свой позор твоей кровью – но без стрельбы и трупов. Или уступит, но опять же, на глазах у своих, уступит более сильному бойцу – и с этим уже ничего не поделаешь, в клане поймут и примут. Ты, как, кстати, считаешь на победу в честном поединке? Что он там говорил про грязную игру и твое нападение?

– Говорил правду, – Майк нехотя кивнул, – я ударил первым, чем обеспечил себе преимущество, причем бил на короткой дистанции, «карманным»<sup>41</sup>, жестким ударом. Но не свалил... А потом попал в треугольник, и не выбрался бы, если бы не укусил его за ногу.

– Что-что?!

– Если бы не вцепился зубами в его потную ляжку, а после не рванул ее, не расцепляя рта.

– М-да... Это все?

Тодоровски потупился:

– Не совсем. Потом я пробил ему пах локтем, а уже после начал месить сверху.

– Зараза, а!?... Майки, это совсем не по правилам. Совсем не по правилам! Я не удивлюсь, если боевики клана наведуются к нам на огонек уже сегодня...

Лицо сержанта неожиданно разгладилось, и продолжил он уже менее эмоционально:

– Ну и шут с ними, встретим. А вот потом уж не обессудь, придется потерпеть. Покалечить тебя я не дам, но боюсь, парой переломов, разбитой челюстью и средней тяжести сотрясением придется поступиться. Ну, ничего, полежишь в госпитале пару месяцев, спишем все на нападение после дежурства, вот увидишь – еще и грамоту какую-нибудь дадут от управления.

Стажер насупился, ему совершенно не понравилась перспектива провести на больничном столь долгий срок:

– Проклятые черные... Неужели так сложно поставить их на место? Неужели так сложно заставить их жить по закону?! По единому для ВСЕХ закону в нашей стране?!

Варрон отхлебнул пива из горла, после чего горько усмехнулся:

– Сложно, Майки, сложно... Я не знаю, ради чего мы тогда полезли в «зону А» и зачем сейчас держим там регулярные гарнизоны, но сегодня плантации мака в буквальном смысле цветут в горах и дурманяще пахнут на каждом обрабатываемом клочке земли. Раньше декхане<sup>42</sup> возделывали землю ради пропитания, но теперь местные беи<sup>43</sup> заставляют их работать на себя, выращивать сырье под наркотики... Так что не думай, многие рвутся сюда не потому, что хотят отомстить нам, или, скажем, потрахать белых женщин. Нет. Им там банально жрать нечего, беи платят декханам продуктами, а могут и не заплатить. Но у них всегда достаточно боевиков, чтобы подавить любые выступления против своей власти... Есть еще районы, что держатся по старинке, под началом родовых старейшин и кормятся сами по себе... Но зна-

---

<sup>41</sup> Карманный удар (слэнг) – короткий, жесткий удар, наносимый не из стойки, а по восходящей от пояса на ближней дистанции. Неопытные бойцы или обыватели зачастую его пропускают, оттого и бытует выражение – достал из кармана, благодаря чему удару и присвоили определение «карманный».

<sup>42</sup> Декханин (альгарский) – крестьянин, земледелец.

<sup>43</sup> Бей (альгарский) – феодал-землевладелец. Впрочем, беев со старинной родословной сегодня практически не осталось, их места заняли полевые командиры, осевшие на земле с собственными боевиками. Но правами и привилегиями они пользуются точно теми же, что и их родовитые предшественники.

ешь, по ходу наши «ястребы»<sup>44</sup> проводят все военные операции именно против них – людей, пытающихся просто жить в согласии с вековыми традициями, как и сотни лет назад.

– Ну, ничего себе! Да, такого я не знал... Но как же так...

– Да все просто Майк. Кто-то в нашем правительстве имеет очень хорошие откаты от альгарцев, львиную долю дохода от их наркоторговли. Реальном правительстве – не из числа показных фигур, мелькающих по телику, а тех, кто действительно принимает решения, при том неизменно оставаясь в тени. Для них эти средства есть лишь ресурс, который позже используется для финансирования выборов будущего президента – своего ставленника – или разработки военных и космических программ... А что люди по всему миру погибают от передозов или рожают обреченных калек – так это никого уже не волнует, у нас итак полуторакратная перенаселенность. Погибшие от наркоты как бы не прошли естественный отбор. Слабые, ненужные экземпляры... Да, как-то так.

А общины черных... Они выступают в роли местных распространителей, выжимая с рынка наркотиков прочих конкурентов. И заметь, альгарцы находятся в полной власти наших воротил. Один приказ, и полицейские зачищают их кварталы. Один приказ – и военные пройдутся ковровой бомбардировкой не по независимым декханам, а по давно известным плантациям мака, самым крупным из них... И сейчас я вновь говорю не о правозащитниках, дерущих глотку на ТВ, не о политиках, «разоблачающих» полицейский беспредел и так далее. Эти получают лишь жалкие крохи от пирога, они являются лишь рупорами «хозяев».

– И получается, мы связаны по рукам и ногам... Да, рыба гниет с головы...

Варрон лишь пожал плечами:

– Гниет-то может и с головы, но в нашем случае давно уже сгнила целиком.

– В смысле?!

– Да смысл очень прост, Майк. Черные не имели бы такой власти, если бы местные были способны за себя постоять. Знаешь, что я заметил? Они направо и налево трахают наших, континентальных, девок. Иногда похищают и насилуют – но, по крайней мере, на нашей земле такие случаи стараются расследовать до конца, честно посадить виновных. А бывает, и положить уродцев при задержании. Хотя, знаю наверняка, в некоторых местах сами копы порой поставляют черным рабынь... Но не суть. Дело в том, что процент похищенных составляет едва ли двадцатую часть от того числа наших баб, что ублажают альгарцев своими телами. И это как раз потому, что последние два-три поколения мы растим из своих дочерей настоящих шлюх, даже не пытаюсь воспитывать в них хоть какое-то целомудрие, нравственность... Ты слышал, чтобы девушки в старших классах оставались девственницами? Нет?! Ну и в мое время таких уже не было. Мы помешались на сексе, на разврате, преследующем нас везде: в кино, в книгах, в журналах, даже в рекламе, транслируемой в дневные часы – той рекламе, что доступна детям... Это не говоря о сверх доступном порно в глобальной паутине... Паутина буквально обвила всех нас Майк, она сделала из людей потребителей, она крадет наше время, нашу жизнь – словно по чьему-то злобному умыслу... Иногда мне становится страшно, когда я всерьез начинаю все это обдумывать, напарник, мне становится страшно – а вдруг во всем происходящем нравственном коллапсе, крушение старых моральных норм и догм, вдруг за всем этим действительно стоит кто-то или что-то разумное!? Чей-то злой умысел, чье-то сознание и воля?! Что все это не естественный процесс разложения, а регресс направленный, программируемый, осознанно спланированный?!

Говоря обо всем этом сержант Рук погрузился в себя, будто взирая на происходящее откуда-то со стороны... С потусторонней стороны. Тодоровски зябко передернул плечами –

<sup>44</sup> «Ястребы» – сильная политическая группировка в правительстве континента, неизменно опекающая армию и регулярно выступающая за любые военные вмешательства по всему миру. Также этот термин распространяется на высший командирский состав флота, военно-воздушных сил и армии.

ему стало не по себе от взгляда наставника, погруженного в себя. Но тут Варрон сменил тему, резко придя в нормальное состояние:

– Но вернемся к нашим баранам. В смысле, к черным... К чему я все это говорил про наших баб? Да к тому, что в отличие от нас, если девчонка-альгарка решится загулять на стороне... Да нет, такое в принципе невозможно... Если кто-то попытается пригласить девушку на свидание, но без братьев, или решится на безумие – просто прикоснуться к девушке – он огребет таких проблем, что мама не горюй. Не факт даже, что живым уйдет. А если кто из девок решится на секс до свадьбы – от нее отвернется вся родня, и в лучшем случае она будет просто изгнана, вычеркнута из жизни семьи. Но это в лучшем. В худшем забьют камнями, чтобы другим неповадно было. Вот так... Варварство? Безусловно. Но браки альгарцев практически не знают измен, а их женщины не знают, что такое аборт. Они рожают до семи-восьми детей, Майк! И это у них в порядке вещей. А сколько детей появляется в наших семьях? Да в лучшем случае трое – да и то большая редкость! Действительно многодетные семьи среди континенталов есть крайне редкое исключение.

– У нас такая жизнь, что рожать больше двух, а порой и больше одного ребенка просто страшно, Варрон. Нет никакой уверенности в завтрашнем дне, никакой стабильности на работе. Везде сокращения, оптимизации, ввод механизированной рабочей силы, автоматизации процессов, размещение производства в странах третьего мира, где труд рабочих стоит копейки... Одним словом, «повышение эффективности производства», лишаящее людей заработка, а бюджет поступлений. И главное, эти идиоты принимают законы о повышении пенсионного возраста – это вообще, как?! С головой совсем не дружат? То есть старики, не способные банально учиться, не способные осваивать новые технологии производства, не способные выполнять тяжелый физический труд, не способные сохранять внимание и концентрацию на протяжении двенадцатичасовой смены – они должны работать до шестидесяти пяти! При этом держа за собой рабочие места, которых с каждым годом становится все меньше – а где тогда работать молодым, как вообще планировать и создавать семьи?! К чему все программы поддержки молодой семьи, если супруги не имеют никакой уверенности в завтрашнем дне?!

– Согласен, маразм и неадекватность. Сокращать рабочих, одновременно уменьшая поступления в бюджет, и тут же запрягать пенсионеров работать еще по пять лет, чтобы его восполнить! Пенсионеров, в большинстве своем не способных уже тянуть эту работу... Дикость.

Но давай посмотрим на это с другой стороны, Майк. Сколько молодых людей и девушек стремятся создать семью в возрасте до тридцати лет? Да не более сорока процентов – ибо партнера для секса можно найти в любом баре. В браки вступают лишь романтики, ищущие не просто утех плоти, но сильных, настоящих чувств. А сколько процентов браков распадается в первый же год совместной жизни, Майк? Около девяносто процентов, это официальная статистика, напарник. Люди, проводившие друг с другом только приятный досуг, разочаровываются в своих «половинках», как только дело доходит до банального разделения домашних обязанностей. Тогда на первый план выходит собственное эго, и молодожены начинают слушать только себя и свои обиды, свою гордость, а не вроде бы и любимого человека с его претензиями... Ладно. А теперь давай прикинем, сколько детей рождается у оставшихся в браке? Ответ: у шестидесяти процентов – примерно один ребенок. Почему? Да потому, что родители или делают карьеру, или долго живут «для себя», не стремясь обременять себя детьми. Конечно, вступают в игру и приведенные тобой аргументы, но все же... Все же мода на так называемую карьеру, мода на поздние роды, еще это новое уродское веяние – ты ведь слышал о чайлдфри? Типа свобода от детей?! А кончится это все тем, что через пару-тройку поколений здесь будут жить одни лишь черные, да представители смешанных браков. Ибо, как сказал кто-то из восточных мудрецов, самое страшное оружие – это рожаящая женщина. А они нас просто перерожают Майк, просто перерожают... И когда численность черных достигнет критического превосходства, они возьмут, да и вырежут всех уцелевших белых, а кого не вырежут, тех изго-

нят – или заключат в резервации к краснокожим. А уж те-то как будут веселиться! О, они отыграются за столетия унижений и существования на грани голодного выживания...

Майк оторопело встряхнулся, а Варрон все никак не мог остановиться:

– Или другой пример. Ты наблюдаешь за нашей молодежью? Ну, ты-то исключение, ты спортивный и кое-что умеешь в ринге, раз сумел уделать Гази – пусть и в грязном поединке. Но сколько из наших парней, из нашей молодежи реально тренируется? Сколько из них занимается настоящим спортом – я имею в виду боевые искусства? Если брать статистику, то максимум двое из десяти парней, и то в лучшем случае. В мое время в огромных борцовских залах негде было яблоку упасть, все мало-мальски пригодные помещения снимались кикбоксерами, все без исключения парни начинали утро с пробежек и турника... А что мы имеем сейчас? Компьютерных задротов, инфантилов с гейскими прическами!

...Теперь давай вернемся к черным. В их среде все занимаются единоборствами, все с детства растут с мыслью, что они воины и защитники своих семей. Не тренирующийся, не изучающий боевые искусства парень в их кварталах просто не выживет, это факт. Степень внутренней конкуренции, бойцовский потенциал и готовность пустить свои навыки в ход у них на самом высоком уровне... Мне повторять, что у нас все иначе? Неудивительно, что наши девки ложатся под черных – они интуитивно чувствуют в них мужиков в значительно большей мере, чем в наших ребятах. Хотя ведь скоты же ж через одного, и к девкам нашим относятся едва ли не как к вещам... А все потому, что сами позволяют так к себе относиться...

Тодоровски вынужденно кивнул в ответ на слова наставника.

– Плыдем дальше? Ты видел хотя бы одну нашу семью, где мужчина реально был мужчиной, то есть ее полноценной, без прикрас, главой? Где его слово воспринималось, как закон? Я нет. А у них подобное в порядке вещей. Ты видел, чтобы наша молодежь замирала при появлении своих стариков и с благоговением слушала их мудрость, сколь те захотят ею поделиться? У альгарцев это в порядке вещей. Ты знаешь хоть какие-нибудь наши традиции, сохранившиеся хотя бы с прошлого столетия? Нет? А традиции черных непоколебимы.

Мы все стали рабами гаджетов, телефонов, планшетов, компьютеров – рабами паутины, мы вырастили уже два поколения бесполезных потребителей, умеющих лишь пялиться в экран! Мы разучились мечтать и ставить перед собой масштабные цели, разучились стремиться к свету и воспитывать нравственность в своей душе благими деяниями... У нас каждый сам за себя и сам по себе, случись беда, и никто не придет на помощь!

А вот альгарцы, благодаря нерушимости своих традиций, подвержены всем «модным» веяниям в гораздо меньшей степени. Десять лет назад политики, впусившие их в страну, были уверены, что необразованные черные легко ассимилируются, переймут нашу культуру и относительно спокойно и мирно вольются в наше общество. Они ошиблись. Альгарцы сильны своими традициями, своей взаимовыручкой, своей сплоченностью. В отличие от нас, беда одного члена общины так или иначе становится бедой всех, и решается всеми вместе... Они гордятся своим происхождением и им плевать на наше мнение в любых вопросах, коли оно разнится с мнением старейшин. А потому разрушительные веяния нашей реальности, такие, как чайлдфри или ЛГБТ-сообщества им не страшны, педикам в их среде не продержаться и дня.

Варрон горько усмехнулся и продолжил:

– Я удивляюсь, как они вообще всех нас терпят! Мы же, по сути, столь беззащитны перед их лицом – не считая конкретных экземпляров, вроде нас с тобой, – что будь их побольше, и они бы смело заявили о праве собственности на нашу землю! И праве исключительности проживания на ней...

Праве сильного.

...Последние слова прозвучали в повисшей тишине особенно веско; Майк, как кажется, забыл даже дышать. Но магию речи Варрона разрушил Хэнк, подойдя к столику с порцией стейков:

– Свиные, средней прожарки... Все как ты любишь, Рук.

Сержант, встряхнувшись, коротко поблагодарил хозяина заведения, после чего подвинул напарнику тарелку с мясом:

– Ладно, лопаем и в участок. Пора работать.

## Глава восьмая

Проснулся я на пять минут раньше будильника. По сухим спросонья глазам – вчера много времени провел за монитором, старательно вчитываясь в протоколы по убийству Лили, – больно ударил свет экрана телефона. А в комнате темно как в зад... Темно здесь, потому что без окон комната.

М-да... Весь день вчера землю носом рыли, два часа потратили на опросы местных – может, кто видел что или слышал, – но все впустую. Хорошо хоть, – насколько это возможно говорить в данной ситуации – девушку убили все же за пределами черного квартала. По крайней мере, ответы людей условно можно считать правдой, в то время как альгарцы могли сознательно промолчать или соврать.

Но в итоге мы ничего не имеем по убийству. Район бедный, камер практически нет – лишь две, найденные на маршруте движения жертвы, засекли спокойно, без всякого напряжения следующую к местному супермаркету Лили. Никакого волнения, дерганности, попыток обернуться или посмотреть, что происходит за спиной... Девушка ни о чем не догадывалась и никого не боялась. Хотя, как сказал Варрон, это ведь тоже важно – по крайней мере, потерпевшая не ожидала внешней угрозы. К сожалению, ни камеры супермаркета, ни те две, расположенные на достаточном удалении от места убийства, никого не засекли в ориентировочное время нападения. Смерть наступила где-то в половину шестого, один из самых тихих часов – ночные гуляки наконец-то разошлись, а рабочие еще только встают... Нам могло повезти, любой мужчина – хотя и женщин исключать не стоит, – заснятый в это время на камеру, имел все шансы стать главным подозреваемым. Но, увы...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.